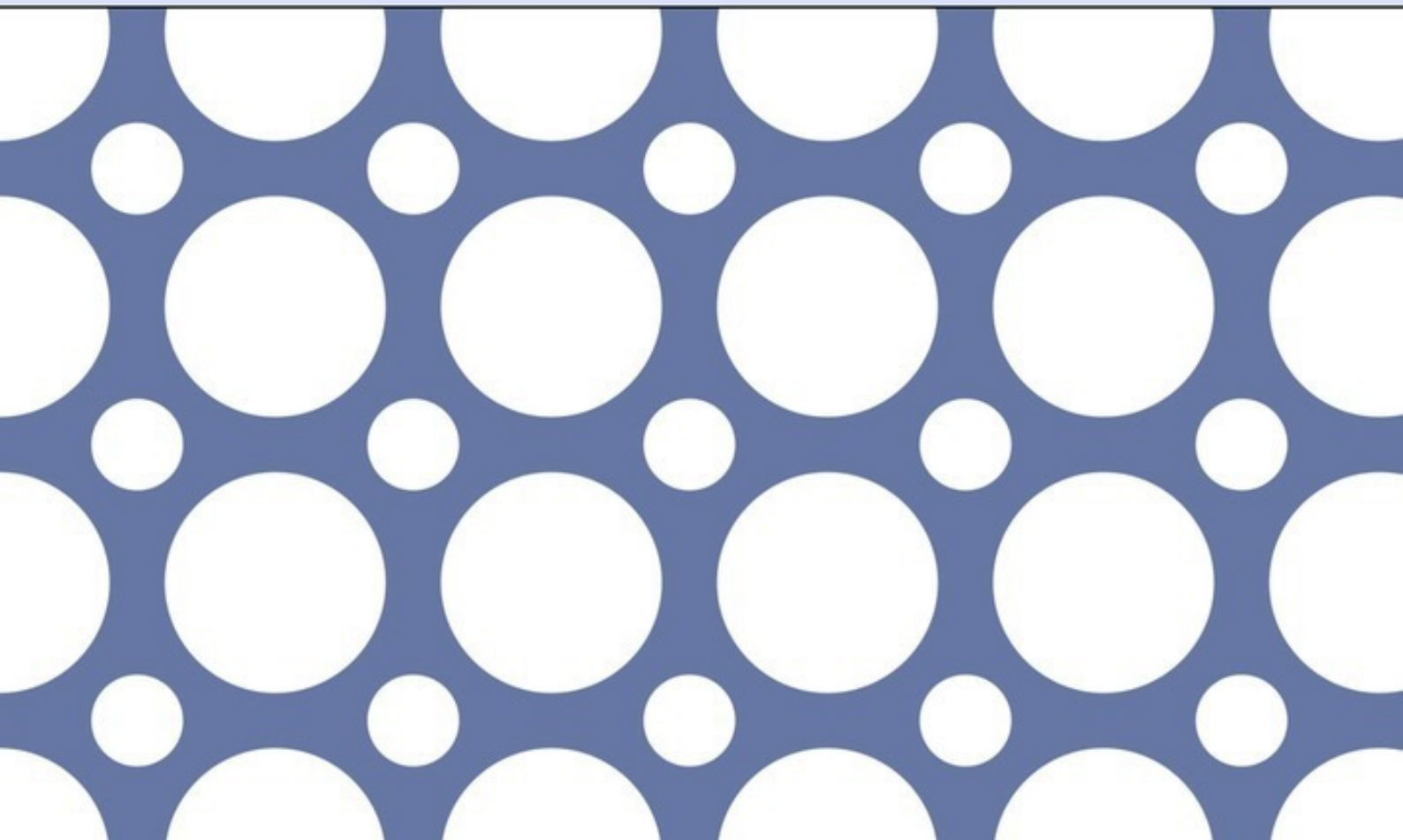

Адам Райский

*Из ниоткуда
в никуда..?*

Часть 1. Поручик

Адам Райский

Из ниоткуда в никуда..?
Часть 1. Поручик

«Издательские решения»

Райский А.

Из ниоткуда в никуда..? Часть 1. Поручик / А. Райский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836738-0

Имею честь и нахальство предложить вашему вниманию свой роман «Из ниоткуда в никуда..?». Роман состоит из трех частей: «Поручик», «Сантехник», «Нувориш». Он написан от первого лица. По содержанию это городской роман, действие которого происходит в основном в России, и частично во Франции. Главный герой — наш современник, родившийся в конце пресловутого «застоя».

ISBN 978-5-44-836738-0

© Райский А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	27
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Из ниоткуда в никуда..?

Часть 1. Поручик

Адам Райский

*И любовь, такое чудо,
К нам приходит ниоткуда,
А уходит, а уходит в никуда.*

Ким Рыжов.

© Адам Райский, 2017

ISBN 978-5-4483-6738-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читатель стой! Прежде чем заплатить свои кровные в кассу за случайно прихваченную с полки книжонку, пробеги глазами обращение от автора. Быть может это поможет вам сохранить свои деньги.

От автора:

Читатель! Автор просто умоляет вернуть вас на место этот роман. Неужели вас не насторожил претенциознейший и пошлейший псевдоним автора? А название? Ведь, сочинив название романа из двух слов и предлогов, автор умудрился обокрасть сразу несколько классиков.

Ну, уж о содержании романа и говорить не приходится. Автор честно предупреждает вас, дорогой читатель, что роман ни в коем случае нельзя использовать в качестве путеводителя или справочника, потому что он крайне вольно обращается с названиями городов и улиц и, прочитав в романе, скажем, название ресторана и его месторасположение вы вполне можете найти по этому адресу химчистку. Кроме того, автор категорически заявляет о том, что все персонажи романа вымышлены, и их случайное сходство с кем-либо из живших или ныне здравствующих реальных людей является игрой случая.

Автор также постоянно путается в датах и легко может спутать временные рамки происходящих в романе событий, с реальными. Сочиняя этот роман, автор вполне отдает себе отчет о том, в какой ужас придут случайно прочитавшие его дипломаты и штукатуры, представители спецслужб и сантехники, гинекологи и водители, артисты и банкиры, художники и саперы, военные и сексопатологи, и просто эрудированные читатели, уличая автора в вопиющей некомпетентности и скудоумии. Именно поэтому автор укрылся за столь одиозным псевдонимом. Ибо кому хочется быть мишенью для стрельбы несвежими продуктами птицеводства и растениеводства?

В таком случае, Читатель вправе задать вопрос: почему автор, прекрасно осознавая свою некомпетентность, все же написал этот роман? Что это? Болезненная страсть графомана, жажда славы или меркантильный интерес? Увы, Читатель, это и то, и другое, и третье. Но дорогой друг, при всем том, что автора можно обвинить во всех смертных грехах, все же в честности ему не откажешь и у вас еще есть возможность сэкономить время и деньги. Если же мои увещевания были напрасны, тогда что ж, переворачивайте страницу и знакомьтесь с главным героем.

Меня зовут Андрей Зимин. Я начальник охраны посольства Российской Федерации во Франции и в данный момент нахожусь в городе Париже по адресу 40 – 50 бульвар Ланн. Мне двадцать шесть лет и я капитан Погранвойск.

Собственно, капитаном я стал позавчера, а вчера я, с друзьями, как полагается, обмыл это радостное событие. Правда из-за отсутствия звездочек опускать в стакан было нечего, но это не умалило торжественности и значимости мероприятия. Конечно, при большом жела-

нии можно было поискать звездочки на Блошином рынке, где, как известно, можно найти все, от шнурков с ботинок Людовика XIV, до образцов лунного грунта, но я озадачиваться не стал и накрыл скромный столик в своей однокомнатной служебной квартирке, в жилой части посольского комплекса.

Помимо моих коллег, поздравить меня пришли завхоз посольства, повар и несколько дружески настроенных дипломатов. Отметился даже мой шеф, офицер безопасности посольства – высокого роста полковник ФСБ предпенсионного возраста. Пожелав мне здоровья и дальнейших успехов по службе, шеф тактично ушел, напомнив, однако напоследок, о благо-разумии и умеренности. С уходом шефа вечеринка приобрела характер дружеской попойки, но за рамки приличия не вышла. Основной постулат посольской жизни: «Пить можно – быть пьяным нельзя» никто не нарушил. До того как стать капитаном я, естественно, был старшим лейтенантом, то есть поручиком. Отсюда и название первой части романа. Впрочем, надо бы обо всем по порядку.

Глава первая

Родился я в славном городе М-ске, что раскинулся по обе стороны седого Урала, в азиатской его части. Отец мой – инженер строитель, мать – учительница математики в старших классах. Родители мои принадлежали к числу последних романтиков – строителей социализма и кочевали то в знойных степях Средней Азии, то на просторах Сибирской тайги, не задерживаясь на одном месте более двух, трех лет. Ребенком я был поздним и желанным. Мое рождение года на полтора приковало родителей к родному городу, а затем и я присоединился к их скитаниям.

Начиная с пятилетнего возраста, при очередном переезде и обустройстве на новом месте, родители подкидывали меня к бабушке с дедушкой по материнской линии. Дед был ведущим столяром-модельщиком на металлургическом комбинате, очень прилично зарабатывал, а кроме того в свободное время изготавливал дефицитную в то время мебель. На дедовы диваны, комоды и шкафы очередь, из городских ответработников, выстраивалась на годы вперед.

Большой кирпичный дом деда стоял на левом берегу Урала. К дому прилегал участок в двенадцать соток с садом и огородом, а так же, с большим двухэтажным деревянным сараем, на первом этаже которого располагалась столярная мастерская деда, а на втором этаже сушилась древесина. Под сараем находился погреб с бочками вкуснейшей квашеной капусты, огурцов и помидоров. Вообще, дом деда был полной чашей. Помимо мамы, самой старшей, в семье деда имелось еще двое сыновей и дочка. Дяди мои были уже взрослыми, жили отдельно и имели свои семьи, а вот младшая мамина сестра Ирина, обогнала меня всего на десять лет. Бабушка работала бухгалтером в жилконторе, заниматься мной, ей особенно было некогда, и роль моей няньки в основном выполняла Ирина.

Со стороны отца, к моменту моего появления на свет, было всего два родственника: бабушка и прабабушка. Дед по отцу умер, когда отцу исполнилось девять лет. Сказались раны, полученные в войну. А прадед, командир танкового батальона, погиб в финскую, штурмуя линию Маннергейма. Бабушка и прабабушка жили в однокомнатной квартире пятиэтажного дома неподалеку от дома деда. Когда в пятилетнем возрасте моя тетушка приводила меня к ним в гости, прабабушка доставала из своего окованного жестью сундука конфету, которая по твердости оставляла далеко за собой гранит и базальт, приближаясь к заветной десятке по шкале Мооса, и вручала ее мне.

Пока бабушка и тетя накрывали на стол, прабабушка рассказывала мне о своих родителях. Увы, детская память не сохранила ничего, кроме того, что все мужчины в их роду были инженерами еще при царях и что мы с самими Трубецкими родня. Кто такие эти «сами Трубецкие» я тогда и понятия не имел. Прабабушка умерла в возрасте девяти лет, а четыре года спустя умерла и бабушка.

Дорогой читатель! Вопреки своему желанию автор вынужден вмешаться в повествование своего героя, опасаясь, что вы заснете уже на второй странице. Но, видите ли, в чем дело, не зная некоторых подробностей из детства и ранней юности моего героя, вам будет сложно понять побудительные мотивы его действий в дальнейшем.

Вот блин! Какой же я умный, такую сентенцию выдал, едва самого не стошнило. А главное, как оригинально и свежо!

В общем, так, Читатель, можешь смело пролистывать страниц этак двадцать-тридцать, ничего не потеряешь. Именно так я и поступил в молодости, когда отец посоветовал мне начинать читать «Войну и мир». Заблудившись умом в первом же художественном отступлении Великого Зануды, я в дальнейшем, безжалостно их пролистывал, следя лишь за сюжетом.

Таким образом, я одолел ее за неполных два дня. Правда потом, через несколько лет, перечитывая Великий Роман, я с наслаждением смаковал именно эти описания природы и философские отступления, ведь сюжет романа был мне уже известен. А наиболее продвинутые читатели, вообще читают только самую последнюю страницу, и сразу становится все ясно! Короче, дорогой Читатель, книга твоя – поступай, как хочешь, а я клятвенно обещаю больше не мешать моему герою.

В школу я пошел в небольшом поселке на севере, теперь уже дружественного, Казахстана и за одиннадцать лет сменил их, пять раз. Пятый класс пришлось на очередной переезд родителей. Учебный год уже начался. Пятые классы в соседней школе были переполнены и тетушка, с большим трудом записала меня в класс с углубленным изучением французского языка. Мама, узнав об этом, сильно расстроилась. Она хотела, чтобы я изучал английский. Отец же, напротив, одобрил французский. Французские классики были его любимыми писателями.

– Будешь читать классиков в подлиннике сын, сказал тогда отец и мама смирилась.

Отец был страстным книголюбом. Серьезная часть семейного бюджета уходила на книги, отец умудрялся подписываться почти на все приложения к «Огоньку». Надо ли говорить о том, что его любовь к книгам перешла ко мне по наследству?

Ну, а тогда, в пятом классе, бразды моего воспитания целиком и полностью находились в руках тетушки. Тетю, ввиду не такой уж большой разницы в возрасте, я звал по имени. Она была высоченной, носила короткую мальчишескую стрижку, да и характер у нее был мальчишеский. Тетя была волейболисткой. На работе она где-то числилась, а на самом деле играла в волейбол за знаменитую уральскую команду и заочно училась в физкультурном институте. Несмотря на занятость, она находила время следить за моим гардеробом, таскала меня в парикмахерскую, чтобы сделать ультрамодную стрижку и брала с собой на тренировки.

По вечерам иногда мы играли с ней в шашки и сражение за доской нередко перерастали в бои на подушках, за что нам обоим перепало от бабушки. И, в общем, было жуть как здорово!

Три последующих года я проучился в городе за полярным кругом, в школе, где французского языка не было, и по решению родителей я изучал его самостоятельно, обложившись учебниками и самоучителями. Годовые экзамены по французскому, я сдавал на каникулах в Москве, едва-едва натягивая на слабую четверку.

Получив, наконец, в Заполярье двухкомнатную квартиру, родители мои решили покончить со странствиями и, сумели с доплатой обменять ее на двухкомнатную хрущевку в небольшом городишке, в ста с лишним километрах от Москвы по трассе Москва – Пекин. Переехали мы к концу лета. Отец устроился главным инженером в местное СМУ, а мама – преподавателем математики в школу. Накупив материалов, мы с отцом почти месяц изготавливали книжные полки и ему впервые удалось полностью разместить свою библиотеку.

К тому времени я уже вдоль и поперек пересек африканскую саванну, прерии и леса Америки, откопал сокровища всех пиратов и промыл все золото Аляски. Перейдя на более взрослую литературу, я наугад выдергивал какой-нибудь том из многочисленных собраний сочинений. Так случайно, я прочел Жерминаль Золя. Книга потрясла меня до глубины души, и я несколько недель находился под сильнейшим впечатлением.

Отец обучил меня скорочтению, и к концу школы я прочел практически всю его библиотеку, причем некоторые книги перечитывал неоднократно.

– Учись читать, ведя взглядом по центру страницы, – говорил отец, – а боковым зрением захватывай начала и концы предложений. Скорость чтения зависит не от того, что ты быстро водишь глазами по буквам, а от того, насколько быстро увиденная тобой информация усваивается твоим мозгом. Есть люди, способные за секунды прочитать и запомнить несколько страниц телефонного справочника.

Сам отец читал абзацами. Наблюдая со стороны за его чтением можно было подумать, что он просто, не спеша перелистывает страницы.

В новой, на сей раз окончательно последней, школе я адаптировался довольно легко. Витька Быстров, мой сосед по парте, оказался мальчишкой простым и дружелюбным. В первый же день, спросив, есть ли у меня велосипед, предложил вместе покататься после уроков. Он же познакомил меня с Женькой Старостиным. Женька был школьной спортивной звездой. Рослый и хорошо развитый физически он вполне заслуженно занимал место капитана в футбольной, баскетбольной и волейбольной сборной команде школы. С математикой у него дела обстояли похуже, и возможность списывать домашние задания у сына математички показалась Женьке привлекательной, что и положило начало нашему общению.

Сам я учился неплохо, как и подобает сыну учительницы, но больших маминых ожиданий в математике не оправдал. Несмотря на многочисленные мамины попытки увлечь меня миром цифр, я оставался к ним довольно равнодушным, отдавая предпочтение физике, литературе и истории и мамина мечта сделать из меня великого математика медленно и печально скончалась.

Благодаря Женьке и Витьке я стал активным посетителем спортзала. Правда, успехи мои в игровых видах спорта были более чем скромные, даже в волейбольной сборной школы я числился на скамейке запасных.

В конце учебы в девятом классе, школу охватила эпидемия настольного тенниса. В теннис играли везде. На лабораторных столах в кабинетах химии и физики в перерывах между уроками, на полу в школьных коридорах, ну и, конечно, в спортзале на настоящем столе. У Женьки от спортзала имелся свой ключ, физкультурник под личную Женькину ответственность разрешал нам играть в теннис после уроков. Само собой разумеется, что и в теннисе Женька был непобедимым чемпионом. Как обычно, игра была на вылет и, проявив способности к ней с самого начала, Женька постоянно набирал форму, безвылазно играя по два – три часа. Мне же, приходилось иногда по часу ждать своей очереди. Естественно шансы были неравными.

С наступлением школьных каникул мое увлечение настольным теннисом не пропало. Я даже купил книжку – пособие по нему. Школьный спортзал на каникулы был закрыт и я уговорил отца привезти с работы лист ДСП и несколько брусков. Стол я решил сделать во дворе. Отец сомневался в моей затее, опасаясь, что ДСП после первого же дождя превратится в труху. Закопав столбы и обвязав их брусками, я уложил крышку стола. Чтобы ДСП не размокло при дожде, я дважды пропитал его горячей олифой. Уходя домой, я тщательно укрывал стол парниковой пленкой.

Сосед по подъезду Игорь, бывший младше меня на год, узнав о моей затее, стал активным моим помощником. Когда олифа высохла, я обрезал лист по размерам, тщательно прошпаклевал его нитрошпатлевкой и зачистил наждачной бумагой. Погода нам благоприятствовала. Было тихо и солнечно, краска нанесенная валиком легла ровно и высохла быстро. Стол был готов. Увидев результаты наших трудов, родители выделили нам деньги на покупку сетки, ракеток и шариков.

Сказать по-честному, наша первая с Игорем игра меня сильно разочаровала. Я играл плохо, а Игорь и вообще не умел держать ракетку в руке. К сожалению, Женька и Витька на каникулы укатили к родным, и другого партнера у меня не было. Приходилось обучать Игоря тому, что умел сам.

На второй или на третий день наших тренировок к столу подошел взрослый, лет двадцати, парень из соседнего дома. От парня пахло спиртным.

– А ну, пацан, дай пару раз ударить, – сказал парень Игорю.

Взяв в руки ракетку, парень высоко подбросил шарик и, неуловимым движением руки сильно закрутив его, послал на мою половину. Ударившись о стол, шарик подскочил сантиметра на два, и бешено вращаясь, снова покатился по столу. Я не успел даже глазом моргнуть.

– Во! Не разучился еще, – сказал парень, – ладно, давай подам попроще!

На вторую подачу среагировать я успел и кое-как переправил шарик на его половину. Парень крутанул ракеткой и шарик, покрутившись на верхнем краю сетки, скатился на мою половину.

– Значит так, пацаны, я сегодня выпивши, а завтра вечерком приду, поучу вас, если конечно хотите.

Мы с Игорем яростно закивали головами. Так у нас появился тренер. Парень, его звали Стас, занимался с нами два – три раза в неделю по вечерам. Он был кандидатом в мастера спорта по настольному теннису и оказался неплохим наставником. Днем мы с Игорем отрабатывали приемы, которые Стас показывал нам на тренировке. За лето мы сильно поднаторели, и хотя Игорь выиграл у меня всего пару партий, которые я уступил ему для поднятия духа, доведись ему играть с Женькой, я бы поставил на него.

Наши занятия теннисом прекратились в середине августа. Нет, стол не размыло дождями. Просто однажды утром, проснувшись, я увидел вместо стола только столбики. Какие-то добрые люди увели крышку стола и бруски для своих хозяйственных нужд. Погоревав, мы с Игорем решили не восстанавливать пропажу – до начала занятий в школе оставалась всего пара недель.

Никогда я еще не ожидал начала занятий в школе, как это было в десятом классе! И, конечно же, причиной тому была не жажда знаний. В первый же день после уроков мы все дружно ринулись в спортзал. Женька, естественно был первым, а я оказался на очереди шестым. Женька играл в своей обычной манере далеко от стола длинными красивыми ударами. Я вспомнил, как ругал меня Стас за такую манеру игры.

– Так играют только пенсионеры в домах отдыха, – говорил он, – держись над столом, играй не вдоль стола, а поперек.

Наконец, настала моя очередь. Женька с царским видом уступил мне подачу. Сильно подкручивая шарик, я посылаю его на Женькину половину, с расчетом, чтобы он ударился об нее как можно ближе к сетке. Из пяти подач Женька чудом взял только одну и одну запарол я сам. Удивление на его лице стоило многого. Проиграв четыре очка на своей подаче, Женька окончательно разозлился, стал мазать и сдал мне партию с разгромным счетом.

– Контровая! – объявил Женька, и очередь согласно закивала головами.

Посмотреть на контровую собрался весь спортзал. И те, кто поднимал в углу штангу, и те, кто занимался на турнике. Несмотря на то, что Женька был максимально осторожен и аккуратен я не выпустил его из пятерки и, проиграв последнее очко, Женька в сердцах швырнул ракетку на пол и выбежал из спортзала. Проигрывать Женька не привык, а потому, дулся на меня целых два дня, пока я не рассказал ему, как нас с Игорем тренировал Стас.

– Ну, теперь все понятно, с таким тренером и дурак научится, – пробурчал Женька, – и мир был восстановлен.

Так я стал чемпионом школы по настольному теннису и к ее окончанию, выиграв несколько соревнований, получил первый юношеский разряд.

За время учебы в десятом классе в моей жизни произошло два серьезных события. В ноябре, в М-ске от инсульта скончался дед. Родители меня на похороны не взяли и улетели в М-ск одни. После похорон деда огромный дом с участком осиротел, и бабушка с тетей не в силах были одни справляться с большим хозяйством. На семейном совете было решено дом продать, а на вырученные деньги купить тете квартиру в Москве. Тетю давно приглашали в один из столичных спортивных клубов, проблема была только с квартирой. Тетя купила небольшую двушку в кирпичном одиннадцатипятиэтажном доме в Ясенево, недалеко от кинотеатра Ханой. Бабушка переехала жить к старшему сыну в его трехкомнатную квартиру.

Второе событие касалось лично меня. Я вдруг выяснил, что у меня есть Самолюбие. Случилось это внезапно, в школе, на большой перемене. Выйдя из школьного туалета, я заметил, что у меня на кроссовке развязался шнурок. Школьный коридор в этом месте сворачивал под прямым углом. Наклонившись, чтобы завязать шнурок, я вдруг услышал за углом голоса. Разговаривали два моих лучших друга – Женька и Витька.

– Ты что сегодня после уроков делаешь? – спросил Женькин голос.

– Да, надо велик починить, – сказал Витька, – цепь порвалась, надо три звена сменить. Мне Андрюха обещал, у него где-то в сарае валяется старая цепь.

– Наплюй и забудь, – ответил ему мой заклятый друг Женька, – ты что, Андрюху не знаешь? Это же враль и обещалкин, он мне уже полгода обещает дать почитать «Сердца трех», Джека Лондона.

– Да, что есть, то есть, – согласился с ним Витька, – пацан он неплохой, но слово не держит, и приврать любит. Надо будет ему еще раз напомнить.

Шок, поразивший меня тогда, трудно описать. Слезы непроизвольно хлынули у меня из глаз, я опрометью вернулся в туалет. Уже прозвенел звонок на урок, и в туалете никого не было. Холодная вода немного освежила мое лицо. Как же так? Я, который считал себя, великодушным Атосом, находчивым и остроумным Смоком Белью и благородным рыцарем Айвенго в одной ипостаси, я, в глазах своих лучших друзей, выглядел всего лишь жалким вруном и обещалкиным!

– Но ведь так и есть на самом деле, – раздался вдруг голос у меня в голове.

– Кто ты? – испугался я.

– Я – твое Самолюбие, – прозвучал ответ.

– И что же мне теперь делать?

– Ничего, скрой нормальную физиономию и иди на урок, разбираться будем потом.

– Почему опаздываешь? – спросил учитель физики, когда я вошел в класс.

– В туалете задержался, – не посмел соврать я.

Класс сочувственно-издевательски хохотнул. Стараясь не глядеть на Витьку, я еле-еле дождался конца уроков. По дороге домой я вновь обратился к засевшему у меня в голове Самолюбию.

– Что же мне со всем этим делать?

– Перво-наперво, перестать врать, – ответило Самолюбие. – Тебе самому приятно бывает, когда тебя обманывают? Второе, прежде чем раздавать обещания направо и налево, стараясь облагодетельствовать весь мир, подумай, сможешь ли ты их выполнить. Куда выслана дорога благими пожеланиями ты, я надеюсь, знаешь. Давай обещания только тогда, когда ты на сто процентов будешь уверен, что сможешь их выполнить. И последнее, изо всех сил старайся доделать то, за что ты взялся. Впрочем, было бы неплохо, если бы ты никуда не опаздывал и берег свое и чужое время. Вот тебе программа минимум на ближайшие годы, а я уж в меру сил своих буду тебя поправлять.

Наскоро пообедав, я помчался в сарай, чтобы отыскать цепь для Витьки.

– Стоять! – раздался в голове приказ Самолюбия, – ты забыл, что мама просила тебя вымыть посуду после обеда? Давай уж делать все по порядку.

На мытье посуды ушло минут семь.

– Ну вот, всего делов то, – откликнулось Самолюбие.

Значительно сложнее дело обстояло с цепью. Проклятая цепь никак не желала находиться. Сарай, стоящий неподалеку от дома в ряду таких же других, предназначался для хранения старых вещей и был зоной моей ответственности, так как я хранил в нем свой велосипед. Увы, порядка там не было.

– Выноси все вещи, может, и найдешь чего, – посоветовало Самолюбие, – а за одно, и порядок наведешь.

Злосчастную цепь я нашел под горбылями, которыми был выстлан деревянный пол сарая. На ее поиски и наведение порядка у меня ушло более трех часов.

– Вот видишь, как нелегко исполнять некоторые обещания, – не удержалось от комментария Самолюбие.

Завернув цепь в газету, я сел на велосипед и помчался к Витьке.

– А я уж думал, что ты ее не нашел, – сказал обрадованный Витька. – Может, подождешь, я сейчас быстренько свою переклепаю и поедем, покатаемся?

– Не, не могу, дела, – ответил я и поехал домой.

Предстояло вызволить у соседки «Сердца трех». Когда Женька попросил у меня эту книгу, оказалось, что отец уже дал ее читать нашей соседке Зине. Я пару раз спрашивал ее, не прочла ли она книгу, но соседка отвечала, что еще читает и я, напрочь забыл про нее. Рабочий день уже закончился, и соседка была дома.

– Теть Зин, верните мне, пожалуйста, Джека Лондона, – попросил я как можно более решительно.

– Так я его еще не прочитала, – сказала соседка.

– Теть Зин, я вам верну ее через неделю, и вы ее дочитаете, а сейчас очень нужно. Нехотя соседка принесла из комнаты книгу и вручила ее мне.

– Я ведь по вечерам перед сном иногда читаю, оправдываясь, сказала она.

Книга была заложена на восемнадцатой странице фантиком от «Мишки на Севере». Соседка явно не владела скорочтением, такими темпами ей на чтение потребуется еще лет десять. Это какой же темперамент чугунного утюга надо иметь, чтобы по полстранички читать «Сердца трех» перед сном? Сам я прочел ее за одну ночь. На мое появление с книгой, Женька отреагировал несколько удивленно.

– Ух, ты, обещанного – полгода ждут. Ну, спасибо что привез, а я уж забыл про нее, – сказал он, – может, в шашки сыграем?

– Нет, я еще уроки не делал, – ответил я и поехал домой.

Пужинав, и сделав уроки, я отправился спать.

– Ну вот! Первый нормальный день в твоей бестолковой жизни. Так держать! – напутствовало меня на ночь Самолюбие.

– Интересно, сколько ты еще будешь капать мне на мозги? – спросил я.

– Да всю оставшуюся жизнь! Неужели ты этого еще не понял? – был ответ.

Обдумывая эту, не слишком радужную перспективу, я уснул.

С тех пор проклятое Самолюбие не давало мне покою ни днем, ни ночью. Всякий раз при попытке соврать оно садистски прокручивало у меня в голове тот самый разговор двух моих друзей, заставляя вновь и вновь переживать охвативший меня тогда стыд. Но со временем я стал замечать, что моя жизнь намного упростилась. Родители лжи – лень и страх, потихоньку покидали меня, уступая место ответственности и уверенности в себе. Мама первая заметила во мне эти перемены.

– Ты повзрослел, сынок. Тебе уже не надо дважды повторять одно и то же, – как-то сказала мне она.

Мое Самолюбие удовлетворенно хмыкнуло. Да и мои друзья и окружающие стали относиться ко мне с большим уважением. В общем, жизнь налаживалась. Вот только в личном плане был полный пробел. Единственная девочка в классе, которая мне нравилась, была уже занята. И вы сразу же догадаетесь кем. Конечно же, неотразимым чемпионом и моим лучшим другом Женькой. Нина, так звали девочку, подружилась с Женькой еще в восьмом классе, до моего приезда в городок. А мой чертов кодекс чести не позволял мне даже думать о том, чтобы попытаться отбить ее у моего друга, хотя иногда она лукаво посматривала на меня. Но кто знает, что творится в голове у девчонок? Одна из одноклассниц, довольно милостивая, но чуть полноватая девочка оказывала мне явные знаки внимания, но я представлял себе свою

избранницу стройной хрупкой дюймовочкой и, по возможности, деликатно игнорировал их. В общем, ничего путного с девочками у меня не выходило.

А тем временем вокруг шумела неуправляемая Перестройка, рушился уклад привычной для большинства жизни, выходили на историческую сцену новые экономические понятия и личности. Я сознательно ухожу от описания великих исторических перемен, выпавших на окончание моего детства, о них уже много написано и будет написано еще больше. Скажу только, что нашей семье, как впрочем, и другим, приходилось не сладко. Пустые полки магазинов, кое-где заставленные морской капустой я, вероятно, не забуду до конца своей жизни. Если бы не шесть соток, которые отцу выделили на работе в первый год приезда, наше выживание было бы весьма проблематичным.

Отец и мать часто обсуждали происходящие вокруг перемены. Отец находил их неизбежными, а мама тосковала по тем временам, когда все было просто и ясно. Что касается меня, то предстоящие выпускные экзамены занимали меня куда больше. Кроме того, нужно было окончательно определиться с будущей профессией и местом дальнейшей учебы. Родители на меня не давили, оставляя за мной право свободного выбора. Не чувствуя призвания ни к точным наукам, ни к хозяйственной и гуманитарной деятельности, я склонял свой выбор к поступлению в военное училище. Вот только окончательно не мог решить в какое.

Предпочтений было два: летное и пограничное. С одной стороны, – красивая летная форма, стремительные обводы самолетов и возможность, при определенных условиях стать космонавтом, с другой стороны, – погони и засады, шпионы и контрабандисты, и прочая романтика пограничной службы. Хотя перспектива стать космонавтом была более чем захватывающей, все же, немало поразмыслив, я от нее отказался. Дело было в том, что я, почему-то, панически боялся высоты, и от одной мысли, что мне придется прыгать с парашютом, волосы шевелились у меня на голове от страха.

Окончательно определившись, я сообщил о своем решении родителям. Отца, мое желание стать пограничником не особенно удивило.

– По крайней мере, без работы не останешься, хоть какие-то границы у нас все ж таки да будут, – сказал он.

Мама, конечно, заохала. Мол, опасно, и все такое.

– Да что ты, мать, сейчас у нас на улицах опаснее, чем в Доме Павлова во время Сталинградской битвы, – прокомментировал мамины опасения отец, – уж кому, что на роду написано. Может, хоть у военных какой-то порядок остался.

Таким образом, судьбоносный выбор был сделан. Выпускные экзамены в школе я сдал сравнительно легко, получив четверки лишь по русскому письменному и физике. А вот с французским пришлось повозиться. Мама договорилась о сдаче экзамена в одной из школ областного центра. Экзамен я сдавал один. Пожилая учительница протянула мне билеты и, выбрав один из них, я стал готовиться к ответу. Предстояло прочитать, перевести и пересказать текст своими словами. Послушав меня с минуту, она горестно вздохнула и спросила, куда я собираюсь поступать. Узнав, что это будет военное училище, она еще раз вздохнув, поставила мне четверку.

Как бы то ни было, школа была окончена. Отшумел незатейливый школьный бал, отзвучали клятвы в вечной преданности школьной дружбе, настала пора долгожданной взрослой жизни. Свой аттестат об окончании школы и заявление о приеме я отвез в Московское Высшее Пограничное Командное училище. Женька, естественно, поступал, в физкультурный, а вот Витька меня удивил. Он собирался подать документы в Военно-Медицинскую академию в Питере.

Время перед вступительными экзаменами в училище пролетело быстро. Я помог отцу выкопать небольшой погреб в сарае для хранения овощей, лениво перелистывал учебники и читал книги. Наконец, долгожданный день наступил, и я поехал в Бабушкино. Порядки в учи-

лице меня ошеломили с самого начала. Все передвижения по территории училища только строем или бегом, подъемы и отбой по распорядку, в столовую строем, на занятия и экзамены строем, словом, кошмар какой-то. Так и хотелось воскликнуть: «Куда я попал и где мои вещи!».

– А ты вернись к мамочке, пусть она тебе сопельки вытрет, – издевалось Самолюбие, – это ведь военное училище, а не детский сад.

Моим соседом по двухъярусной койке в казарме абитуриентов оказался худошавый, чуть ниже меня ростом, осетин из большого Северо-Осетинского села Чекалы. Звали его Казбек. По-русски Казбек говорил чисто, без малейшего акцента, но иногда придурился, жутко коверкая слова. Когда нас разместили в казарме, Казбек выбрал себе верхнюю койку, забрался на нее и оттуда возвестил мне.

– Слюший дарагой, на вэрху карасива как в гарах.

– Ты смотри, шею мне не сломай, когда со своих гор будешь спускаться! – предупредил я его.

– Обязательно сломаю, дарагой, когда в спортзал пойдем, – пообещал мне Казбек.

В классе для самоподготовки мы тоже оказались с ним за одним столом.

– Ничего не боюсь, кроме экзамена по русскому, – сознался Казбек. – Понимаешь, эти запятые, мапятые ставлю не там где надо. Поможешь, если что?

– Если будет возможность, помогу, – пообещал я.

– Поосторожней, на поворотах, Обещалкин, – предостерегло Самолюбие.

На экзамене по русскому языку мы сели за соседние столы. В аудитории было жарко и, улучив момент, когда двое из экзаменаторов вышли покурить, а женщина – преподаватель стала внимательно разглядывать свои ногти, Казбек передал мне свои листы. Спрятавшись за его спиной, я бегло просмотрел текст, исправив в нем две орфографические ошибки, и поставил четыре запятые. Дама, скучая, встала из-за стола и направилась к окну. Не теряя времени, я вернул листки владельцу. Фокус удался. Экзамен по – русскому языку мы с Казбеком оба сдали на четверку. По остальным предметам я получил пятерки, а Казбек одну четверку и две пятерки. Оставалось ждать результатов конкурсной комиссии.

В этом году в училище был большой наплыв солдат с границы, которые шли вне конкурса. Ожидания были недолгими и волнения оказались напрасными. И я, и Казбек были зачислены в курсанты. С этой радостной вестью мы и разъехались по домам до начала учебных занятий. На прощанье Казбек достал из сумки иголку и уколов сначала свой большой палец, а потом мой, выдавил из них по капельке крови и соединил.

– Теперь Андрей, мы с тобой кровные братья.

Мы с ним обнялись и распрощались до осени. Вернувшись домой, триумфальной арки, выстроенной в честь поступления абитуриента Зимина в военное училище, я не обнаружил. Мое поступление мы скромно отметили в узком семейном кругу. Я попытался связаться с Женькой и Витькой, но их не было.

Неожиданно на улице я встретил Нину. На мой вопрос о Женьке, Нина ответила, что она с ним окончательно рассталась вскоре после выпускного бала, и где он, ей не известно. Я предложил ей прогуляться. Рядом был парк, и мы долго бродили с ней по пустым аллеям. Нина рассказала, что она поступила в мединститут в Киеве, где жила ее тетя, а завтра она уезжает. Мы остановились друг против друга у парковой ограды. Посмотрев Нине в глаза, я обнял и поцеловал ее.

– Почему ты не сделал этого еще в десятом классе? Ведь ты мне так нравился, – сказала она, – ну да, дурацкий мужской кодекс чести. Какие же вы все-таки глупые, мальчишки!

Мы прогуляли и поцеловались с ней до позднего вечера, а наутро я проводил Нину на московский автобус. На прощанье она дала мне тетин адрес и обещала писать.

Глава вторая

После отъезда Нины, жизнь в городишке казалась пустой и невыносимо скучной, и я едва дождался начала занятий в училище. Нас переодели в военную форму и тут началось! Порядки, существующие в училище, при приеме абитуриентов оказались просто анархической вольницей по сравнению с распорядком дня курсантов.

Строевая подготовка сменялась занятиями в классе, класс – на спортзал, спортзал – на тир, все это щедро разбавлялось кроссами с полной выкладкой и занятиями на полосе препятствий. Во время самоподготовки курсовые офицеры бдительно следили за тем, чтобы мы не клевали носами в классах и не писали писем, а занимались. Энергетические затраты организма были очень велики и нам постоянно хотелось есть.

– Ничего, – утешали курсовые, – месяца через три втянетесь, и все войдет в норму.

Как бы их еще прожить, эти три месяца? Жалкая мыслишка о том, что пока еще не принял присягу, можно подать рапорт об отчислении, маячила все же на горизонте. Но Самолюбие и личный пример моего названного брата Казбека, которому было все нипочем, давили ее в зародыше. И, правда, месяца через три, я с некоторым удивлением заметил, что еды мне стало хватать и физические нагрузки стали не такими уж тяжелыми. Личное время было посвящено письмам домой и Нине. Коротенькие в пять строчек рапорта о самочувствии домой, пару раз в месяц, и длиннющие, с описанием героических подвигов и мечтаниях о предстоящей встрече на каникулах, еженедельно, Нине. Нина отвечала не чаще одного раза в месяц, к тому же письма ее напоминали коротенькие сводки погоды. Ну, ничего, утешал я себя, вот встретимся на каникулах.... Что будет дальше, я представлял себе плохо. Пятое письмо от Нины было последним.

– Знаешь Андрей, – писала Нина, – не стоит нам с тобой цепляться за школьные воспоминания. Ведь вокруг нас кипит реальная жизнь и наивно предаваться детским мечтаниям. Я встретила и полюбила прекрасного умного человека, а наши с тобой поцелуи были просто тоской по уходящему детству. Лично я уже повзрослела, чего и тебе желаю. Прости меня и живи своей жизнью.

Сказать, что последнее письмо от Нины меня расстроило, значит не сказать ничего. Недели две я ходил сам не свой. Не так-то просто отказаться от хрустальной мечты. Да и Самолюбие мое съезжилось до микроскопических размеров и жалобно скулило.

– Слушай, а ведь она, наверное, права, встретишь ты еще свою девушку, – утешал меня братик, когда я показал ему письмо от Нины.

– Тебе хорошо, у тебя невеста есть, – не унимался я.

Сразу же по приезду, Казик показал мне фотографию стройной девчушки с озорными черными глазами и длинной косичкой.

– Ей сейчас пятнадцать, а когда окончу третий курс, будет восемнадцать. Официально приглашаю на свадьбу, брат.

После третьего курса курсантам разрешали жениться, жить в городе и приходиться в училище только на занятия. Справедливости ради следует признать, что долго переживать потерю связи с Ниной мне не позволил ни возраст, ни распорядок дня. Вскоре мы приняли Присягу, и курсантская жизнь покатила скорым размеренным темпом.

А насчет того, что он оторвет мне голову в спортзале, мой братик, оказывается, не шутил. Казбек оказался кандидатом в мастера спорта по вольной и греко-римской борьбе. У них на Кавказе это любимые виды спорта. Занимался он и восточными единоборствами. Голову он мне, конечно, не отрывал, жалел, а вот синяков и шишек наставлял великое множество. Он настоял на том, чтобы мы оба записались на факультатив по самбо и всякий раз, решительно пресекал мои попытки пропустить занятия. Забегая вперед, скажу, что сам Казбек уже

на втором курсе стал чемпионом училища по всяческим единоборствам и не уступал этот титул никому до окончания училища.

– Ми народ кауказкий, злой народ, – говорил Казбек с ужасающим акцентом, протягивая руку очередному поверженному претенденту на звание чемпиона под гомерический хохот всего спортзала, – моя папа бил абрек, мой мама бил абрек, даже мой бабушка, и тот бил абрек! Что ти хочишь?

А между тем, бурлившая в Москве политическая жизнь то и дело перехлестывала через высокие добротные стены училища и врывалась в курсантские аудитории. Нам, в отличие от наших предшественников, не приходилось подолгу конспектировать занудно-заумные труды кровожадного вождя мирового пролетариата, уничтожившего и вытеснившего из страны весь цвет русского офицерства. Марксистко-ленинская идеология уходила в прошлое. Преподаватели, стремясь заполнить пробелы в истории, знакомили нас с биографиями бывших лютых врагов Советской власти, генералами Корниловым, Юденичем, Колчаком и Врангелем. Впрочем, единого взгляда ни на историю, ни на происходящие за стенами политические события ни у кого не было. Руководство училища придерживалось курса на нейтралитет и изолированность вооруженных сил от политики. Погранвойска, как и всю страну, трясло, к тому же их вывели из-под опеки органов Госбезопасности, которые стали шельмовать все, кому не лень. Как показали дальнейшие события, решение было ошибочным. Впрочем по сравнению с другими ошибками того времени, эта ошибка была микроскопической.

В конце первого курса, основательно подзабыв коварную одноклассницу, я предпринял попытку познакомиться с девушкой. В увольнение я пошел один. Казик предпочел увольнению – спортзал. Побродив по району, прилегавшему к училищу, я зашел в небольшой, недорогой бар. Народу было немного, я заказал мороженое, кофе и сел за столик. В баре тихо играла музыка, на крохотном танцевальном пятачке никого не было. У стойки в углу я заметил привлекательную блондинку с длинными волосами, которая курила, нервно стряхивая пепел в пепельницу. Перед девушкой на стойке стоял стакан с недопитым коктейлем. На вид девушке было лет семнадцать, восемнадцать.

– Алкоголь и сигарета не лучшие украшения для девушки, – назидательно сказал мне Самолюбие.

Проигнорировав зануду и собрав в кулак всю свою волю, я встал из-за стола и направился к девушке. Остановившись от нее в двух шагах, я как можно элегантней тряхнул головой, разлепил непослушные губы и открыл рот.

– Разрешите пригласить вас на танец?

– Да пошел ты на ..., козел! – зло скривив губы, отчетливо произнесла нехорошее слово из трех букв девушка.

Самолюбие без слов брякнулось в обморок. Я стоял как соляной столб не в силах, что-то сказать и сдвинуться с места. В это время небольшая дверь в подсобку, находившаяся рядом, открылась. Оттуда выскочил бритый парень, схватил девушку за руку и потащил за собой. Девушка вырвала руку, закатила парню здоровенную оплеуху и стремительно покинула бар. Потихоньку, я приходил в себя.

– Хватит придуриваться, вставай, – скомандовал я Самолюбию, – ты же видишь, что я просто случайно попал в чужую разборку.

– А ведь я тебя предупреждало, что тут не все чисто, – охая и стоная, сказала Самолюбие.

Наскоро доев мороженое и выпив остывший кофе, я покинул бар. Охота познакомиться с девушками пропала очень надолго.

Первый курс мы с браткой окончили без троек и получили по второй нашивке на рукав.

Каникулы прошли тихо и скучно. Ненадолго приезжал Витька. От него я узнал, что Женька экзамены в институт завалил и устроился на работу где-то в Москве. Я помогал роди-

телям на огороде и читал книги. Когда отпуск кончился, я с легким сердцем вернулся в училище. Моя жизнь была теперь здесь.

Казбек вернулся и отпуска озабоченным.

– Неспокойно у нас, – ответил он на мой вопрос, – соседи совсем с ума посходили. Суверенитетов им подавай, кровь льют как воду. Да они без России никто и звать никем.

– Ну, а ваши, как к России относятся? – спросил я.

– Наши прадеды еще русскому царю на верность присягали, осетины никогда Россию не предадут. Ты вот думаешь, почему я в училище пошел? Потому, что в наших семьях закон такой: первый сын на хозяйстве остается, семейные традиции поддерживает, а второй – воин, Родине должен служить, ну а остальные, кто в медицину, кто в науку, кто в хозяйство. Не во всех, конечно, семьях так, но во многих. А я второй сын. Ты знаешь, что больше всего Героев СССР в пересчете на количество народа у осетин? Так что, осетины всегда будут с Россией, святым Георгием клянусь! Он наш святой покровитель.

– Казбек, а в Бога ты веришь?

– Конечно, верю, а как же.

– А вера, у вас какая?

– Разная. Есть христиане, есть мусульмане. У меня папа христианин, а мама мусульманка.

– А ты?

– А сам не знаю. Вот когда ты ешь, для тебя большая разница, чем ты ешь? Ложкой, вилкой, палочками или просто руками? Главное чтобы еда в рот попадала. Кто как привык, тот так и ест. Вот и Богу, я думаю, все равно, кто как ему молится. Главное, чтобы человек был правильный, тогда он его после смерти к себе и заберет. А гадов всяких, подлецов и предателей шайтаны утащат. Ты со мной согласен?

Не согласиться было невозможно. Хотел бы я иметь такую прямоту и ясность мышления.

Второй курс для меня ознаменовался неожиданным открытием. Выяснилось, что я хорошо умею стрелять. Состоялось это открытие при стрельбе из пистолета Макарова.

Отстрелявшись первый раз, мы подошли к мишеням. Три отверстия в моей мишени располагались кучно, на расстоянии не более двух сантиметров друг от друга в левой части девятки.

– Весьма неплохо, – прокомментировал мою стрельбу начальник кафедры огневой подготовки, – вот только влево уводишь пистолет при стрельбе.

– Товарищ полковник, это пистолет плохо пристрелян, – самоуверенно заявил я.

– Не наглей, курсант. У меня все оружие пристреляно.

Когда мы вернулись на огневой рубеж, полковник, взяв у меня пистолет, быстро выстрелил три раза по моей мишени.

– Ну, пойдём, посмотрим. – Пули полковника оказались в девятке, рядом с моими, только расположились не так кучно.

– Странно, похоже, что ты прав, – сказал полковник, – а ну-ка, возьми другой пистолет.

На сей раз все три пули оказались точнехонько в середине десятки, с еще меньшим разбросом.

– Занимался раньше стрельбой? – спросил полковник.

– Нет, так, пару раз стрелял в тире из воздушки.

– Ну, ты феномен! Считаю, что ты уже член сборной команды училища по стрельбе. Я договорюсь с начальником курса, чтобы тебя отпускали на тренировки с самоподготовки. Попробуем, как ты из спортивного пистолета будешь стрелять.

Стрельба из спортивного пистолета меня разочаровала. Пистолет Марголина мне не понравился, он и на пистолет-то не был похож. Маленькие пульки, маленькие черные мишеньки. Хотя результаты стрельбы у меня были неплохими, многие члены команды из спор-

тивного оружия стреляли лучше, чем я. Посетив несколько тренировок, я сказал полковнику, что хотел бы иметь дело только с боевым оружием.

– Смотри, дело твое, – сказал полковник. – Только учти, что ты лишаешь себя возможности стать мастером спорта международного класса.

Очень неплохие результаты были у меня и по стрельбе из снайперской винтовки Драгунова на короткие и средние дистанции. Для стрельбы на дальние и сверхдальние, надо было всерьез изучать баллистику.

– Эх, в снайперскую школу бы тебя, – вздыхал полковник, подсовывая мне пособия по снайперской стрельбе, – такой талант пропадает.

Таблицы поправок и отклонений у меня энтузиазма не вызывали, да и сама карьера снайпера тоже вызывала сомнения. Слишком уж, в моем понимании, приклад снайперской винтовки смахивал на деревянную рукоять топора палача. А вот в стрельбе из Макарушки, я вскоре стал чемпионом училища, участвовал во многих соревнованиях и получил звание кандидата в мастера спорта по стрельбе. Само собой, что у моих сокурсников никогда не возникало желания стрелнуть со мной на масло или компот.

В училище неоднократно предпринимались попытки возродить былые традиции русского офицерства. Проводились балы и периодически, то возникал, то сходил на нет, факультатив бального танца. В мое время факультатив вела престарелая балерина, имевшая честь состоять в кордебалете Большого Театра. Чтобы преодолеть врожденную стеснительность своего несчастного организма перед женским полом, а так же расширить возможности межполового общения я решил позаниматься бальными танцами.

Поскольку лезгинка в перечень бальных танцев не входила, братишка мой, последовать за мной решительно отказался. Так что, посещать танцы мне приходилось одному. В партнерши мне досталась дочка преподавателя с кафедры службы и тактики Погранвойск, девушка по имени Тина. Фигурка у девушки была чересчур уж стройной, даже по моим понятиям. Какие либо положенные девушкам выпуклости у нее практически отсутствовали, тоненькие ножки были кривоватыми, нос – великоват, а на лбу, под слоем макияжа, проступали следы от красных прыщиков. А вот глаза были хороши. Большие, черные и ироничные.

– Ты не парься, Андрей, в ЗАГС я тебя тащить не собираюсь, – отследив таки мою реакцию на ее внешность, с усмешкой сказала мне Тина, когда мы познакомились, – у меня свой парень есть. Просто, я очень танцевать люблю.

Тина была студенткой третьего курса мединститута. На бальные танцы в училище она ходила второй год и уже неплохо танцевала. Буквально через пару занятий я понял, как мне повезло с партнершей. Легкая и гибкая, Тина отлично чувствовала музыку, умело поправляя мои движения. В общении же Тина была, просто своим парнем, умным, веселым и ироничным. Порой я даже жалел, что у нее есть жених. Наши занятия танцами продолжались два курса. Я весьма недурно научился танцевать, к тому же общение с Тиной многое мне дало в смысле понимания таинственной женской души. Потом, отставная балерина тяжело заболела и занятия прекратились.

Балы в училище проходили более-менее регулярно, раз в полтора, два месяца. Рассказывали, что раньше, по популярности, училище занимало едва ли не одно из первых мест в Москве, уступая разве что, знаменитому МГИМО. Первые красавицы пед и медвузов с боем брали проходную училища, а дежурящий курсовой офицер придирчиво проверял у них студенческие билеты, безжалостно отсеивая неподходящие, по его мнению кандидатуры, заботясь об уровне и качестве будущих офицерских семей. Теперь же, когда уровень престижа профессии офицера скатился фактически до нуля, на балы приходили все, кому не лень. Даже иногородние красавицы брезговали будущими офицерами, справедливо опасаясь, что они могут их завести в такое место, по сравнению с которым, их родной городишка окажется столицей мира. Что уж говорить про москвичек. В общем, побывав пару раз на таких мероприятиях

и посмотрев на жиденькие ряды не блещущих достоинствами выпускниц ПТУ и медсестер, я считал ниже своего достоинства посещать их. Тем более, что танцевать никто из девчонок практически не умел.

В спортзале, благодаря неотступным и весьма настойчивым усилиям моего братика, дела у меня шли неплохо, правда, в часто проводившихся соревнованиях призовые места я занимал редко.

– Тебе злости не хватает, – говорил мне Казбек. – Ведь на тренировках ты многих делаешь. На противника надо разозлиться, а ты проводишь прием и лыбишься, как кот Леопольд. Ты представь себе, что он у тебя невесту украл и дави его. А после боя можешь с ним обниматься сколько хочешь.

– Да, нет же у меня никакой невесты, Казик.

– Ай, да что с тобой говорить, – обреченно махал рукой Казбек, – никакого самолюбия у тебя нет.

Тут он был явно неправ, просто мое Самолюбие, почему-то, равнодушно относилось ко всяческому мордобоям.

Зимой я предпринял еще одну попытку познакомиться с девушкой. Прогуливаясь возле ВДНХ, я зашел в кафешку погреться и выпить кофе. До вечера было далеко и народу в кафе практически не было. Снимая шинель, я обратил внимание на девушку, одиноко сидящую за столиком в центре зала. Шатенка была дивно хороша. Тонкое, одухотворенное лицо в красивых и вероятно дорогих очках склонилось над тетрадкой. Одетая девушка тоже была дорого и со вкусом.

– Вероятно студентка, – подумал я. – Эх, была – не была!

Я решительной походкой направился к столику девушки. Самолюбие демонстративно заткнуло уши.

– Позвольте присесть? – осведомился я у девушки.

Она вскинула на меня глаза. В таких глазах и утонуть не страшно, мелькнула у меня мысль.

– Слушай курсантик, отвали, не мешай работать, – лениво-небрежно произнесла красавица, – у тебя что, пятьсот баксов в кармане завалялось?

Моментально покраснев, я опрометью выскочил из кафе.

– Ну что, съел? – спросило Самолюбие. – А вот покраснел ты напрасно, это ей надо краснеть.

– Ну что ты привязалось? Может у нее обстоятельства такие, ну подрабатывает студентка, времена-то сейчас какие? Отпадет необходимость, она и бросит, – стал оправдывать я девушку.

– Может и бросит, а в душе навсегда проституткой останется, – завершило дискуссию Самолюбие.

Да, как несправедливо порой обходится судьба, раздавая людям обличья. Таковую бы внешность, да умнице Тине, а не этой... Впрочем, кто я такой, чтобы кого-либо осуждать?

Политическая неразбериха и экономический хаос не могли не отразиться на жизни училища. Продовольственное снабжение ухудшилось, инфляция жадно съедала и без того мизерную курсантскую стипендию. Мы все чаще были вынуждены подрабатывать в увольнениях. На третьем курсе к нашему, с Казбеком, тандему примкнул Толик, среднего роста светловолосый крепыш с белесыми бровями и многочисленными крупными веснушками. По характеру Толик был веселым, общительным и весьма предприимчивым. На ближайшем рынке Толик чувствовал себя как рыба в воде и частенько находил возможности для подработки. Мы разгружали фуры с продовольствием, фруктами и строительными материалами. Торговцы отдавали предпочтение сильным, ловким и честным курсантам, иногда, помимо денег, одаривая нас коробкой фруктов в качестве премии. Разбитной Толик и стал моим наставником в отношениях с женским полом, сделав меня своим компаньоном, в наших попытках избавиться

от излишков тестостерона. Казбек в наших вылазках участия не принимал, предпочитая сжигать свои излишки в спортзале.

Как-то раз, находясь в увольнении, мы прогуливались у метро ВДНХ. Это была наша первая с Толиком совместная охота. Я указал Толику на двух, небрежно фланирующих симпатичных девушек в коротких кокетливых шубках.

– Безполезняк! – мгновенно оценил ситуацию Толик, – таким кралям ухажеры с деньгами нужны, а мы с тобой нищие, благородные российские курсанты. У нас с тобой в пакете только бутылка пива и две упаковки чипсов. Поэтому зря губу не раскатывай.

– Ну, а вот и наш контингент, – Толик указал мне на двух девчонок лет восемнадцати, в ярких синтепоновых курточках.

Девчонки шли, оживленно болтая друг с другом, у одной из них в руке была банка с пивом.

– Подруливаем, – приказал Толик, устремляясь к желанной добыче.

– Девчонки, пивком не угостите? Пива хочется, аж веснушки нагрелись, – показал на свои веснушки Толик.

Девчонки прыснули.

– На, попей, бедненький! А то без веснушек останешься, – сказала та, что с пивом.

– Вообще-то, пиво у нас есть, – продемонстрировал пакет с пивом и чипсами Толик, отхлебнув из предложенной банки.

– Вот только пить его в одиночестве не хочется. А тут посмотрим, две такие феи идут, ну прямо звезды Голливуда. Вы случайно не фотомоделями работаете? При виде вас наши суровые мужские сердца были сражены наповал, – продолжал молоть всякую чепуху Толик.

Девчонки звонко смеялись, бред, который нес Толик, был им явно по вкусу.

– Ну что, давайте знакомиться, – стал закреплять достигнутый успех Толик, – меня зовут Анатолий, а этого сурового воина – Андрей.

Ту, что держала банку с пивом, звали Леной, а ее подругу – Надей. Процедура знакомства была завершена и Толик, многозначительно взглянув на меня, подхватил Лену под руку. Выбора у меня не было, я осмелился и взял Надю под локоток. Девчонки были чем-то похожи друг на друга. Курносенькие, слегка вздернутые носики, не слишком умело подкрашенные глаза, румяные от холода щеки.

– Да, на девушку твоей мечты она явно не похожа, – разглядывая Надю, сообщило мне Самолюбие.

– Ты бы лучше помалкивало, отмахнулся я.

Шлифуя мой характер и помогая достигать намеченных целей в жизни, Самолюбие, в отношениях с противоположным полом мне постоянно мешало.

– А у сурового воина язык есть? – ехидненько осведомилась Надя.

Толик в это время заливал про суровые курсантские будни. Оказывается, в перерывах между занятиями, мы пачками ловили шпионов, диверсантов и террористов, укладывали их рядами и солили в бочках. Я тоже, наконец, открыл рот и присоединился к общему трепу. Найдя пустую скамейку, запасливый Толик извлек из пакета большую бутылку пива, чипсы и пластиковые стаканы – стол был накрыт.

– За приятное знакомство! – провозгласил Толик.

За болтовней пиво быстро кончилось. Небольшой, градусов семь, морозец все настойчивее проникал под курсантские шинели, девчонки тоже стали поеживаться. К тому же, выпитое пиво настойчиво напоминало о себе.

– Эх, сейчас бы музон послушать, чайку горяченького попить, – стал откровенно мечтать Толик.

– К нам нельзя, предки дома, – быстро отреагировала Лена, девчонки, в самом деле, оказались двоюродными сестрами. – Мы тут недалеко живем, может, в подъезде погреемся?

– Чертовски замечательная мысль! – радостно отозвался Толик.

Девушки жили и впрямь недалеко. Панельные многоэтажки образовывали квадрат с внутренним двориком. Пройдя под прямоугольной аркой, мы оказались во дворе. Заметив, стоящую в центре двора электроподстанцию, Толик скомандовал: «Мальчики налево, девочки направо»!

Девчонки посмеиваясь, скрылись за стенкой. Избавившись от проклятого пива и воссоединившись, мы подошли к нужному подъезду.

– А давайте лучше в соседний, ну, на всякий случай, – предложил Толик.

– Так у нас же магнитки нет, – озадачились девчонки.

– Ну, это ерунда, – решительно потянул нас к соседнему подъезду Толик.

Взглянув на нумерацию квартир, он решительно набрал код.

– Электрик, в щитовую! – бодрым голосом произнес Толик, когда ему ответили.

Домофон призывно запищал.

– Мы на седьмой, вы на восьмой. На все про все у нас полтора часа, а то опоздаем в училище. Сигнал сбора: два тихих свистка, – предельно коротко разъяснил диспозицию Толик, когда мы вошли в лифт.

Очувтившись на восьмом этаже, Надя взяла инициативу на себя, потянув меня влево от лифта в какой-то закуток. В углу проходила огромная труба от мусоропровода, люк в трубу был заварен, им давно не пользовались.

– Тут лестницы черные, по ним ходят, только когда лифт не работает, – объяснила мне Надя.

В закутке было тепло, и царил полумрак, что еще нужно для счастья? Прислонившись к стене, Надя непроизвольно облизала губы. Даже я понял, что дальнейшее промедление будет считаться оскорблением и, обняв ее за плечи, поцеловал. Обниматься с девушкой в шинели, все равно, что париться веником в бронежилете, поэтому совсем скоро я снял шинель, положив ее на люк мусоропровода. Надя тоже сняла свою куртку. Целовалась Надя умело и с удовольствием. Мои шаловливые ручки невзначай проникли под свитер девушки, коснулись голого тела и стали приближаться к выпуклым округлостям.

С препятствием, в виде лифчика, мои неумелые ручонки справлялись непросто долго. Наконец проклятые крючки поддались, а может быть сломались, и вожденная добыча оказалась в моих руках. Я впервые ощутил упругость и прелесть девичьих грудей. Подняв свитер, я приник к ним губами, тщательно исследуя окаменевшие соски. Электрические разряды в тысячи вольт коржили мое тело, а мой озверевший приятель настойчиво рвался наружу, грозя с треском порвать казенное сукно. Надя тяжело дышала. Моя правая рука стала непроизвольно опускаться по животу девушки вниз и коснулась ремня на джинсах девушки. Однако руку Надя отвела.

– Да нельзя мне, у меня критика, – сказала она.

Разочарованию моему не было предела, но вида я старался не подавать и продолжал целовать Надю, оставив попытки проникнуть за заветный предел. На смену бодрящим электрическим разрядам пришло занудное нытье внизу живота. Вскоре, раздался спасительный свист. Надев куртку, Надя достала блокнотик и записала мне свой телефон. Воссоединились мы в лифте. Проводив девчонок к своему подъезду и поцеловав их на прощанье, мы устремились к выходу из двора.

– Ну как, порядок? – осведомился Толик, – лично я, два раза.

– Да, месячные у нее, – с досадой сказал я.

– Да, не повезло, – философски отреагировал приятель, – ну, так ты бы минетик попросил сделать.

Заметив мой недоуменный взгляд, он вздохнул.

– Эх, темнота, придется заняться твоим сексуальным образованием.

На входе в арку нас ожидал неприятный сюрприз в виде шестерых обормотов, перегородивших нам дорогу. В середине стоял длинный парень, приклатненного вида, шлепая себя по руке милицейской резиновой дубинкой.

– Что-то вы, зелененькие, совсем обнаглели, – намекая на цвет наших погон, сказал вожак. – Курочек наших щупаете, а разрешения не спрашиваете. Не, оно конечно, можно, но тока за удовольствие надо платить.

– Ходу! – моментально сориентировавшись, крикнул мне Толик, изо всех сил захвативший коленом в причинное место длинному.

Растолкав, опешившую от такой наглости шпану, мы выбежали из арки и бросились наутек. Затеявшие было погоню, хозяева двора, быстро убедились, что состязаться в скорости бега с натренированными на кроссах и полосе препятствий курсантами им не под силу. В училище мы успели вовремя. Листок с телефоном Нади, по совету Толика я выбросил.

Про свое обещание, заняться моим сексуальным образованием Толик вспомнил совсем скоро. В следующее увольнение он повел меня на рынок. Уверенно лавируя между палаток и ларьков, Толик привел меня к приземистому, обшарпанному зданию. В маленькой комнатке двое кавказцев играли в нарды. Поздоровавшись, Толик протянул одному из них деньги.

– За двоих на три часа, – сказал он.

Взяв деньги, кавказец кивком головы указал на висевшую в углу занавеску, из-за которой доносились странные звуки. Комната за занавеской оказалась видеосалоном. Трое пожилых азербайджанцев вольготно расположились в потрепанных креслах. У их ног стояла коробка пивом и солеными фисташками.

– Эх, а вот про пиво-то, я и не подумал, – с досадой сказал Толик, – ты посиди, посмотри, а я быстренько сбегаю.

– Зачем бегать, на, возьми, – вмешался один из азербайджанцев и протянул Толику две банки пива с двумя пакетиками фисташек.

– Ой, спасибо, мужики, – обрадовался Толик, сколько мы вам должны?

– Иии, потом отдашь курсант, когда генерал будешь, – отмахнулся мужик.

А между тем, на экране довольно большого телевизора происходили невообразимые вещи. Странные звуки издавала, стоя на четвереньках, абсолютно голая девица, которую усердно обслуживал здоровенный негр. Действо снималось во всех подробностях. Эротические фильмы пару раз видеть мне доводилось, а вот такое жесткое порно я видел впервые. Тем временем, негр на экране выдернул свой член и стал опорожнять его на спину девицы. Азербайджанцы негромко комментировали его действия. Наконец, негр оделся в форму почтальона, и, подхватив сумку с письмами, отправился по другому адресу, оставив голую девицу в легкой коме. В другом доме его уже ждали. Две голых дивы усердно облизывали друг друга, готовясь к предстоящей встрече. По прибытии, почтальон был немедленно раздет и с ходу приступил к работе. Обе красотки встали на четвереньки и ушлый почтальон, попеременно, пользовал то одну, то другую по равному количеству раз. Фильм был не переводной, но из содержания я понял, что они заключили пари, на ком из них он кончит. Немало потрудившись, он довел обеих до экстаза и излился между ними. Таким образом, победила дружба, по случаю чего, вся троица распила бутылку шампанского. На этом фильм закончился.

Второй фильм был на французском, поэтому мне пришлось в полголоса переводить его содержание присутствующим. Впрочем, сюжет его был таким же незамысловатым. Все действия происходили в школе по обучению грамотному сексу. Преподаватели во фраках и преподавательницы в длинных вечерних платьях обучали бестолковых представителей обоого пола правильному сексу, используя красочные картинки из Камасутры. Ученики были бестолковы, преподаватели меняли их местами, заставляли повторять одно и то же упражнение несколько раз, фиксируя результаты в журнале. Наконец, доведенные тупостью обучаемых до предела, они сбросили с себя парадные одежды и на личном примере показали недоумкам, как надо

заниматься сексом. Дело закончилось общей свалкой. Несмотря на пошлость и скудоумие сюжета, я был немало удивлен разнообразием способов сексуального общения и счел просмотренный фильм для себя весьма полезным.

– Ну, теперь понял, что такое минет? – спросил Толик, когда мы покинули подпольный видеосалон.

– Ну да, – неопределенно ответил я, не представляя себе, как я смогу попросить об этом какую-нибудь девушку. Если быть до конца честным, то порнушка произвела на меня сильнейшее впечатление. Голые женщины снились мне всю ночь, а утром мне пришлось поменять трусы.

Через две недели мы с Толиком продолжили охоту, на этот раз в районе Медведково. Перед началом боевых действий, Толик вручил мне презерватив, предварительно символически плюнув на него три раза. Процедура знакомства практически полностью повторила предыдущую, вот только доставшуюся мне девушку звали Верой. Она была маленького роста и слегка полноватой. Впрочем, лицо у девушки было довольно приятным. Покрутившись немного на морозе, и выяснив, что теплой квартиры нам не обломится, мы пошли их провожать. Эти девушки тоже жили в одном доме, но в разных подъездах. Договорившись о встрече через два часа, мы с Толиком разошлись.

Войдя в лифт, Вера нажала кнопку верхнего этажа. Пользуясь тем, что Самолюбие удрученно молчало, я привлек Веру к себе и поцеловал ее. Выйдя на площадку верхнего этажа, Вера потянула меня выше по лестнице на технический этаж. Судя по валявшимся здесь окуркам и пустым банкам из-под пива, место было обжитым. Так же, как и в прошлый раз, я избавился от шинели, а Вера от куртки. В течение нескольких минут мы страстно целовались, а потом я перешел к решительным действиям. Прошлый опыт не прошел даром, и крючки на бюстгальтере поддались мне скорее. Груды у Веры были крупнее и мягче, чем у Нади, так что я не мог решить, какой вариант лучше. В отличие от Нади, Вера была в короткой джинсовой юбке и колготках. Поискав правой рукой застежку на юбке и не найдя ее, я потянул юбку вверх, вспомнив, что девушки снимают юбки через голову. Юбка собралась на талии у Веры. Снимать ее через голову я не решился, все – таки мы не дома на кровати. Пока моя правая рука исследовала бедра и живот девушки, Вера не отрывала своих губ, от моих. Но, как только подцепив резинку колготок, я стал оголять ее бедро, она отдернула мою руку, переложив ее на грудь.

– Неужели снова месячные, – пронзила меня чудовищная мысль.

Через несколько минут я вновь повторил попытку. Остановив меня и на этот раз, Вера решительно шепнула: «Без презика нельзя». Воздав хвалу предусмотрительному Толяну, я полез в карман шинели за презервативом. Мой приятель вырвался наружу, едва я успел расстегнуть ширинку и чуть не порвал трусы. Презерватив был дешевым, без смазки. Подцепив обеими руками резинки трусов и колготок девушки, я решительно потянул их вниз. Вера не сопротивлялась, обнимая меня за шею и тяжело дыша. Опустив трусы и колготки до колен, я направил своего приятеля к заветной цели. Однако все было не так просто. Вера была значительно ниже меня. Мой приятель терся о ее живот и пушок на лобке, никак не попадая в заветное лоно. Страшно мешали колготки на коленях у Веры, а как от них избавиться я себе не представлял. Ведь на ней были сапоги. Интересно, что посоветовали бы те умники из порнофильма в такой ситуации, мелькнула глупая мысль. Встав почти на колени, я настойчиво помогал своему приятелю попасть в нужное место. Сухой презерватив явно не способствовал поискам, затрудняя ориентировку. Наконец, мой приятель, кажется, куда-то попал, может быть просто между ног Веры и, сделав несколько возвратно-поступательных движений, оглушительно взорвался, наполнив тонкую резинку презерватива огромным количеством белой, липкой жидкости.

– Ты уже все? – слегка разочарованно спросила Вера.

В ответ, я стал благодарно целовать ее губы и грудь. Вера подтянула колготки и поправила юбку, а я украдкой посмотрел на часы. До времени «Ч» оставалось восемь минут.

– Мне на четвертом, – сказала Вера, когда мы вошли в лифт.

Когда он остановился на четвертом этаже, я снова обнял и поцеловал ее.

– Ну, до встречи, – сказала моя первая в жизни женщина и исчезла за закрытыми дверями лифта.

Больше я ее никогда не видел. Толика я ждал на улице минуты три.

– Ну, как успехи? – осведомился он.

– Порядок! – со скромной гордостью ответил я.

– Ну и у меня порядок. Поздравляю с боевым крещением!

В училище мы добрались без приключений.

Казбек над нашими приключениями подсмеивался.

– Смотрите, чтобы вас гусарским насморком не наградили, охотнички!

Накануне 8 марта Толик мне торжественно объявил.

– Мы с тобой приглашены!

Оказалось, что он познакомился на рынке с девчонкой, торгующей в одной из палаток, которая пригласила его на праздник. Тетя, у которой жила девчонка, куда-то уезжала, и в ее распоряжении оставалась квартира. Девчонка обещала пригласить подругу. Выпросившись в увольнение, мы срочно поправляли свои финансовые дела. Вдвоем мы разгрузили целую фуру с цветами, неплохо заработав и получив бесплатно по пятку отборных роз. Иногородних курсантов в увольнение на ночь не отпускали, но ведь я был уже москвичом, тетюшка умудрилась прописать меня в своей квартире, и мы уговорили курсового отпустить Толика на праздники со мной.

Восьмого марта после обеда, затарившись бутылкой коньяка и шампанским, прихватив розы, мы с Толяном отправились в гости. Квартира, куда нас пригласили, находилась неподалеку от училища в районе Медведково. Предназначавшуюся мне девушку звали Ритой. Небольшого роста, чуть полноватая, коротко стриженная брюнетка с небольшим вздернутым носиком, она чем-то напоминала Веру.

– Ты становишься специалистом по толстушкам, – глубокомысленно заметило мне Самолюбие.

Пока девчонки, отказавшись от нашей помощи, накрывали на стол, мы с Толиком чинно сидели на диване, в полголоса обсуждая дальнейший план действий. Квартира была двухкомнатной, поэтому спальня, естественно, доставалась Толику с хозяйкой.

– Ну, а ты по ходу ориентируешься, когда диван раскладывать, – проинструктировал меня Толик.

Наконец, стол был накрыт. Хлопнув пробкой, Толик открыл шампанское и провозгласил тост «За прекрасных дам!». Шампанское быстро развязало нам языки и уже через несколько минут мы все оживленно болтали и хохотали. Хозяйка, добавив звука на играющем магнитофоне, предложила потанцевать. Танцевала Рита неважно, мы, собственно говоря, топтались с ней на месте, привыкая, друг к другу. Мое Самолюбие, вероятно, тоже слегка опьянело, и Рита уже не казалась ему такой уж далекой от идеала. Толик со своей девушкой через несколько минут незаметно исчезли в спальне. Оставшись одни, мы с Ритой некоторое время целовались стоя, а затем присели на диван. Моя рука коснулась теплой округлой коленки Риты и медленно поползла вверх.

– Не сейчас, – сказала Рита, отводя мою руку от вожденной цели, – я останусь на ночь.

Столь заманчивая перспектива скрасила мое минутное разочарование, и я сменил объект атаки. Забравшись под тоненькую кофточку девушки, моя рука лифчика под ней не обнаружила, а груди оказались небольшими и прохладными. Расстегнув пуговицы, я стал целовать отвердевшие розовые соски. Рита тяжело задышала.

– Эй, молодежь! Вы наливать думаете? – раздался из спальни голос Толика.

Рита торопливо застегнула кофточку. Через минуту появился бодренький Толян, а в след за ним показалась хозяйка, с ярким румянцем на щеках, на ходу машинально поправляя юбку. Застолье продолжилось. Мы сидели на диване в обнимку и целовались, уже не стесняясь друг друга. По телевизору, шел какой-то концерт, который мы смотрели вполглаза, и когда он закончился, Толик, подмигнув мне, четким командным голосом объявил «отбой». Хозяйка достала из шкафа простыни и подушки.

– Ну, вы тут сами разберетесь, – сказала она, уходя в спальню.

Вслед за ней, налив полные фужеры коньяка и прихватив фрукты, удалился Толик. Наконец-то мы остались одни. Я разложил диван, а Рита ловко застелила простынь. Одеяло в пододеяльник мы вставили вместе – ложе любви было готово. Прихватив с собой полотенце из хозяйского шкафа, Рита ушла в ванну. Быстро раздевшись до трусов и повесив форму на спинку стула, я юркнул под одеяло. Подумав, стянул с себя и трусы, положив их под подушку. Впервые в жизни мне предстояло спать с девушкой в одной постели, мой приятель дрожал от нетерпения, а дыхание перехватывало от волнения. Наконец, появилась Рита.

– Отвернись, – приказала она мне и, проследив, чтобы я не жульничал, выключила свет.

В комнате стоял полумрак, Рита быстро разделась, присоединившись ко мне. Из теории я знал, что женщину сначала надо подготовить, поэтому поцеловав Риту, я левой рукой стал гладить ее груди, постепенно переходя на живот и бедра.

– Ты знаешь, я еще девушка, – вдруг шепнула мне Рита.

Это известие застало меня врасплох. Невольно я отстранился, не зная, что делать.

– Ну, что же ты, давай, я хочу! – сказала она, широко раздвинула ноги и потянула меня на себя.

Ее зов, настойчивая требовательность моего приятеля, быстро погасили во мне нерешительность. Я навалился на Риту, а мой приятель стал искать вход в заветную пещеру.

– Только не в меня, – прошептала девушка, поправляя моего приятеля рукой.

Упершись в преграду, мой приятель усилил натиск и, наконец, протиснулся в горячее влажное лоно. Рита вскрикнула и сжала ноги. Нырнув туда с десяток раз, мой приятель истошно заорал, что сейчас он взорвется. Я поспешно выдернул его, и он действительно взорвался на животе у Риты, а ударная волна снесла мне половину головы. Спустя полминуты, когда сознание стало возвращаться ко мне, девушка тихонько отстранила меня. Закутавшись в полотенце, которое она подстелила под себя, незаметно для меня, Рита побежала в ванну. Осмотрев простыню, я заметил два небольших пятнышка крови, проникших сквозь полотенце, а вот мой приятель был в ней перепачкан весь. Стараясь не испачкать белье, я присел на край дивана, ожидая своей очереди в ванну. Рита вернулась минут через десять и быстро юркнула под одеяло. Помывшись, я присоединился к ней. Девушка лежала на спине, подложив руки под голову.

– Тебе очень больно? – спросил я, благодарно целуя Риту.

– Терпимо, но сегодня больше нельзя, у меня там все в крови, – сказала она, ощутив бедром активность моего, пришедшего в себя, приятеля.

– Ты знаешь, Андрей, это ведь у меня третья попытка. Я хотела сделать это полгода назад с одним взрослым парнем, но он прогнал меня, узнав, что я девушка. Потом пробовала с другим мальчиком, а у него почему-то не получилось, и он перестал со мной встречаться. А вот с тобой я, наконец, от этого избавилась, спасибо тебе, ты молодец. Теперь я могу свободно трахаться, когда захочу и с кем захочу. Давай за это выпьем!

Я натянул трусы и налил коньяк. Последние слова Риты меня слегка покоробили, но тянувшее чувство вины пропало. К тому же, ее похвала бальзамом легла на сердце Самолюбия.

– А тебе, сколько лет? – спросил я, подавая ей рюмку коньяка и дольку апельсина.

– Не бойсь! Восемнадцать уже исполнилось. Ну что, поздравляй меня с настоящим женским днем!

Мы звонко чокнулись, выпив бокалы до дна. О том, что, по-настоящему, и я сегодня стал мужчиной, я скромно промолчал, ведь день то сегодня женский! Мы с ней еще немного поболтали и незаметно уснули. Рано утром меня разбудил Толик, в училище нам надо было успеть к половине девятого. Быстро одевшись и наскоро распрощавшись с сонными, полуодетыми девчонками, мы ушли.

– Ну как ты? – спросил Толик по дороге.

– Нормально, – отозвался я, посвящая его в подробности почему-то не хотелось.

– А меня замучила, трахается как швейная машинка, нимфоманка, что ли? – пробурчал сонный Толик.

– Будем с ними еще встречаться? – полюбопытствовал я.

– А смысл? Тетка сегодня возвращается, так что квартиры больше не будет. А ты что, запал? – поинтересовался Толян.

– Скажешь тоже, я – как ты, – ответил я, хотя встретится с Ритой еще несколько раз был бы не прочь.

– Ну и лады, – подытожил наш разговор Толик, – других найдем.

Планам Толяна сбыться было не суждено. Через пару недель после 8 марта Толик отозвал меня в сторону.

– Все, Андрюха, кончились наши с тобой походы, – объявил он. – Я, тут на днях, с такой феминой познакомился, закачаешься. Красавица, блондинка, студентка четвертого курса мед-института, да еще и москвичка. В общем, запал я, Андрюха, по-полной. Буду добиваться, так сказать, руки и сердца. Так что, ты давай уж, развлекайся без меня.

Сказать по-правде, развлекаться на прежний манер без разбитного Толика шансов у меня было немного. Свою природную стеснительность перед женщинами я так и не преодолел. А вскоре произошло событие, которое заставило меня напрочь забыть обо всем на свете. Перед самыми экзаменами за третий курс скончался от внезапного сердечного приступа мой отец.

Глава третья

В кабинет начальника курса меня вызвали с самоподготовки. Дежурный курсовой офицер, молча, протянул мне телефонную трубку.

– Сынок, папа умер, – услышал я в трубке заплаканный голос мамы, – приезжай скорей.

Курсовой уже выписывал мне увольнительную. Домой я добрался на коммерческом автобусе часам к одиннадцати вечера. Мама сидела на кухне с пожилым полноватым мужчиной. Кажется, это был начальник отца.

– Ты, Викторовна, не волнуйся, – сказал мужчина, – всю организацию похорон и расходы фирма возьмет на себя. Эх, такого человека потеряли. Ну, я пойду, вот и сынок приехал.

Мужчина поднялся и, пожав мне руку, двинулся к выходу. Мы с мамой остались одни.

– Ты знаешь, Андрей, вечером я пошла в магазин за продуктами, а он сидел в своем любимом кресле, читал книгу, – плача рассказывала мне мама, – когда я вернулась, он по-прежнему сидел в кресле, а книга валялась на полу. Я, заподозрив неладное, бросилась к нему, а он уже не дышит, и глаза открыты. Я вызвала скорую, врач констатировал смерть, вероятно, от инфаркта и его забрали на вскрытие. А ведь отец никогда не жаловался на сердце. Как же такое могло произойти, сынок?

Как мог, я успокаивал маму. Наконец, она немного пришла в себя.

– Давай попробуем уснуть, сын, завтра у нас трудный день, – тяжело вздохнув, сказала мама. – Тетя твоя приехать не сможет, она с командой на соревнованиях в Испании, а остальным моим родственникам добираться к нам далеко и очень дорого. Так что, нам с тобой все придется делать одним. Ты не против, если я приглашу на похороны священника?

– Конечно, нет, – ответил я.

Уснуть я не мог долго. Припомнился разговор с отцом, случившийся незадолго до моего поступления в училище. Тогда в соседнем подъезде умерла старушка. Обряд отпевания происходил на улице у дома и я, из любопытства, подошел поближе. Молоденький священник скороговоркой читал молитвы на старорусском языке, многие из слов которого были мне непонятны. Иногда он обходил гроб, размахивая блестящим кадилом, из которого распространялся ароматный дымок, вероятно, это был ладан. Лицо старушки было маленьким и сморщенным, а ведь когда-то она была молодой и, возможно, красивой девушкой. А вот теперь ее земная жизнь окончена. Будет ли ее душа, если она вообще существует, где-то обретаться и что ее ждет? И как может повлиять на ее судьбу этот архаичный, странноватый обряд? Размышляя об этом, я вернулся домой.

Моя семья религиозной не была, хотя мама иногда захаживала в церковь, ставя свечки, как она говорила «за упокой» и «за здравие» родных. Отец в церковь не ходил вовсе, но к маминим посещениям церкви относился вполне лояльно.

– Пап, как ты думаешь, Бог есть? – спросил я вечером у отца.

– А ты можешь мне объяснить, что побудило тебя задать мне этот вопрос? – поинтересовался отец.

Я рассказал ему о своих мыслях, возникших от увиденного на похоронах соседки.

– Ну, вот видишь, ты практически сам ответил на свой вопрос. Смерть соседки натолкнула тебя на мысли о Боге. Если с фактом неизбежной смерти физического тела человек волею-неволей вынужден смириться, то с тем, что его духовная индивидуальность, мысли и чувства, а иными словами, душа, канет в небытие и бесследно исчезнет, человек не смирится никогда. Так уж он устроен. И как далеко не шагнула бы наука, продляя жизнь человека на Земле, все равно она будет конечна, а значит, Бог будет всегда! Ведь боги не нужны только бессмертным существам.

– Значит, Бог есть. Тогда выходит, что именно он создал человека, а не эволюция жизни на Земле, как это утверждает наука.

– Ты знаешь, сын, наука-то ведь не стоит на месте. Сейчас многие ученые склоняются к тому, что эволюция на Земле вполне управляемая и приводят в подтверждение этому вполне убедительные доказательства. Даже наша солнечная система несет в себе следы постороннего вмешательства. А это означает, что Земля и ее обитатели, созданы какой-то посторонней могучей силой для каких-то неведомых нам целей. Лично мне, почему-то представляется такой порядок мироздания – существуют Создатели, некие суперсущности, обладающие невиданными для человека возможностями. Создатели действуют по велению и в интересах некоей Мегасущности, которая в нашем понимании и есть Бог. Судя по масштабам, времени и объему работ, проделанных Создателями для создания человека, их цель очень важна для них и для Бога. Возможно, Земля является инкубатором душ, предназначенных для заселения и выполнения каких-то функций в иных мирах и измерениях и Богу нужны души обладающие определенными качествами. А возможно и человека постепенно готовят к роли Создателя. Разумеется, никаких серьезных, бесспорных доказательств, кроме своих мироощущений, в пользу своей теории я привести не могу, как в прочем, по моему мнению, не может их представить в свою пользу ни одна из существующих в мире религий.

– Пап, а тогда почему Создатели не поставили перед нами четких и ясных целей, не прописали нам подробно, как нам нужно жить и действовать и к чему стремиться? И почему, раз они такие могущественные, они не заставят человечество жить правильно и делать то, что нужно Богу?

– По всему выходит, что Богу не нужны послушные, не рассуждающие рабы. Поэтому Создатели наделили человека величайшим даром – способностью сомневаться. Ведь именно сомнение является для человека основным инструментом познания истины. Именно сомнение обеспечивает непрерывное развитие человека и общества. На земле уже давно существуют и действуют довольно эффективно несколько видов сообществ живых существ. Ну, например, пчелы и муравьи. Ученые даже считают, что они обладают коллективным разумом. Их сообщества весьма разумно устроены. Каждая особь в сообществе обладает определенным набором возможностей и строго выполняет предписанные ей функции. Вот только даром сомнения они не обладают, и потому, достигнув определенного, рационального уровня развития своего сообщества, они остановились в своем развитии, существуя так, уже много тысяч лет.

Впрочем, по моему мнению, Создатели все же очень осторожно и аккуратно дают нам понять, каким бы они хотели видеть человека. Во всех мировых религиях есть следы такого вмешательства. Правда потом они обрастают легендами, всевозможными толкованиями и догмами, в зависимости от особенностей существования этноса, в среде которого прижилась и распространилась данная религия. Эти требования к человеку практически одинаково сформулированы во всех мировых религиях. В христианстве эти требования предлагаются в виде заповедей.

– Пап, а тогда как же определить какая религия самая верная, ведь все они утверждают свою истинность и правоту? Ну, вот смотри, истинные католики, правоверные мусульмане, православные, не знаю уж, как буддисты себя называют. И все они критикуют друг друга и соперничают между собой. А ведь истина только одна!

– Думаю, что не все так просто, Андрей. Ведь в признании Божественного начала и в требованиях к духовности человека, практически все религии более-менее едины. Рознятся только способы достижения необходимой для Бога духовности человека. Мне кажется, что любая религия правильная, если она взывает к Богу и стремится сделать человека лучше. А что касается особенностей и различий в обрядах разных религий, мне думается, что это связано больше с особенностями культурного развития того или иного этноса исповедующего данную веру. Не берусь, однако, утверждать это определенно. Одно знаю точно, без веры в Бога, без

стремления к духовному совершенству, человек может превратиться в опаснейшего из всех, когда-либо существовавших, зверей.

Не разделяя до конца постулаты и догмы ни одной из существующих религий, лично я избрал свой собственный путь к Богу и сформулировал для себя свою собственную религию. Девиз для своей религии я позаимствовал у суфизма, было на Востоке такое религиозное течение еще до появления мусульманства. Он прост: « Бог в сердце, руки в труде». А морально-нравственной основой моей личной религии стала вторая заповедь христианства: «Возлюби ближнего как самого себя». Что это для меня означает на практике? Я обращаюсь к Богу с просьбами о помощи, когда мне тяжело и трудно, со словами благодарности, когда мне хорошо и радостно, я прошу у него совета, когда не знаю, как поступить и на что решиться. Ну, и к людям я стараюсь относиться так, как хотел бы, чтобы они относились ко мне. Мне не нравится, когда мне врут и обманывают – я стараюсь не врать и не обманывать сам. Мне не нравится, когда мне грубят, и я стараюсь не грубить сам, и так далее... Вот, собственно и вся моя религия. Я никому ее не навязываю и не стремлюсь, кого-либо обратить в нее, в том числе и тебя. Но, для начала, пока ты в этом не определился, я посоветовал бы тебе соблюдать вторую заповедь. А в дальнейшем ты сам должен определиться, примкнешь ли ты к одной из существующих конфессий или будешь искать свой путь к Богу самостоятельно. Я ответил на твой вопрос?

Где теперь душа моего отца? Попала ли она в Рай или низвергнута в Ад? И существует ли она вообще? Хотелось бы надеяться на лучшее, и я горячо попросил об этом Бога. Незаметно я уснул.

Следующий день прошел в скорбных хлопотах. Диагноз врача скорой помощи подтвердился, у отца случился обширный инфаркт. Похороны состоялись через день после смерти. Проводить отца пришло неожиданно много народа. Мы с мамой были удивлены такому количеству людей, ведь мы прожили в этом городке всего около пяти лет. Заупокойную службу вел пожилой, полноватый священник и она уже не показалась мне странной и примитивной. Перед тем, как гроб с отцом закрыли и опустили в могилу, мы с мамой поцеловали отца в лоб. Поминки проходили в рабочей столовой. Народу собралось много, но бывший начальник отца слово свое сдержал, и все было организовано на приличном уровне. Незнакомые мне люди поднимались, говорили каким умным, добрым и отзывчивым был мой отец, вспоминали разные случаи, когда он кому-то помогал словом или делом.

Вернувшись в осиротевшую квартиру, мы с мамой стали обсуждать наши планы на ближайшее будущее, теперь уже без отца.

– Ты за меня не бойся, сын, – сказала мне мама, – я сильная. Отца уже не вернуть, а жизнь продолжается. Живое – живым. Я тут справлюсь, а тебе надо экзамены сдавать. Учись спокойно, обо мне не беспокойся.

Наутро я отбыл в училище.

Мои друзья в училище мне искренне посочувствовали. Напряженная подготовка к экзаменам, да и сами экзамены притупили горечь утраты, жизнь брала свое. Письма маме я старался писать хотя бы через день. Наконец, экзамены остались позади. Сдал я их более-менее успешно. Предстоял летний отпуск. У Казика на отпуск была запланирована свадьба, на которую он пригласил меня еще на втором курсе, но он на приглашении настаивать не стал.

– Понимаю, братик. Тебе сейчас не до веселья. Езжай домой, побудь с мамой, – сказал он мне при расставании.

Отпуск мой прошел буднично и спокойно. Я переклеил обои в квартире, помогал маме в нашем саде-огороде и читал книги. Мама к отсутствию отца потихоньку привыкала, к ней стали чаще приходиться подруги.

– Вон, какой у тебя красавец сын вырос, любо-дорого посмотреть, – говорили они маме.

Внешностью своей я, и в правду, был вполне доволен. Рост – метр восемьдесят, без одного сантиметра, плечи довольно широкие, развернутые, живот плоский, без капли жира, ноги прямые, покрытые редкими, почти незаметными волосками, правильные черты лица, серые, спокойные, и хотелось бы думать, что умные глаза, короткая, густая темно-русовая шевелюра. Вот только уши могли бы быть поменьше и прилегать поплотнее. В целом, довольно приятный, на мой взгляд, тип.

В училище меня ждала встреча с друзьями. Казбек женился и привез с собой кучу фотографий и кассету с видеофильмом. Весь наш учебный взвод с интересом разглядывал подробности красивой и шумной кавказской свадьбы. Комментировал происходящие события Толик, побывавший на свадьбе у Казбека.

– У меня до сих пор в ушах лезгинка звучит, – говорил он, нарочито трясая головой.

Казбек ходил задумчивый и грустный, видно было, что он тосковал по своей молодой жене.

– Ничего, братишка, год пролетит быстро, а там мы уже взрослые, самостоятельные офицеры, – утешал я его.

Время и впрямь летело быстро. На зимних каникулах женился Толик на своей блондинке-докторнице. Я был у него шафером на свадьбе. Свадьба была небогатой, но веселой. Проходила она в небольшой кафешке, рядом с домом невесты. Подруга невесты оказалась замужней дамой, так что завязать приятное знакомство мне с ней не удалось. После свадьбы Толик оставил казарму и поселился в небольшой двушке, где проживала его жена вместе с матерью. В училище он приходил только на занятия.

Неуклонно приближалась пора госэкзаменов. Больше всего меня беспокоил французский язык. Нас, «французов», на курсе было всего несколько человек, поэтому штатного преподавателя французского языка в училище не было. Внештатные преподаватели то появлялись, то исчезали и занятия шли крайне нерегулярно. Курсанты, изучающие английский уже давно получили заветный зачет по иностранному языку, а мы – «французы», были в подвешенном состоянии. Преподавательница французского, появившаяся в училище в начале четвертого курса, молоденькая веснушчатая девчонка с тоненьким обручальным колечком на левой руке, оказалась сущей гарпией. Она категорически отвергала всякие намеки на компромиссы и предъявляла к нам требования, как к студентам иныаза, частенько жалуясь на нас начальнику курса. В конце концов, зачеты она у нас все-таки приняла, но пота мы пролили больше чем на полосе препятствий.

Незадолго до госэкзаменов меня вызвали к начальнику курса. В кресле начальника сидел незнакомый подполковник в годах, с серебристым ежиком на голове и маленькими серыми колючими глазками. Левую сторону груди подполковника украшала внушительная колодка с орденскими лентами. Перед ним лежала синяя папка, по всей видимости, мое личное дело.

– Товарищ подполковник, курсант Зимин по вашему приказанию прибыл! – доложил я по форме.

– Садись курсант, – приказал подполковник. Представляться мне он не считал нужным.

– Наслышан о твоих подвигах на стрельбище и в тире, такие люди нам нужны, – сказал он, – предлагаю тебе после окончания училища пройти курсы спецподготовки снайперов. По их окончанию будешь зачислен в особую группу и прикомандирован к спецназу. Это большая честь, такое предлагается лишь немногим. Ну, а все подробности я могу тебе рассказать только после того, как ты дашь письменную подписку о согласии.

– Мамоchка родная! – пронеслось у меня в голове, – подставил меня все-таки начальник кафедры огневой подготовки.

Становиться профессиональным снайпером мне решительно не хотелось.

– Товарищ подполковник! В спецназ-то я хоть сейчас, да вот только профессионального снайпера из меня, я боюсь, не получится. Понимаете, характер у меня такой – не могу долго

сидеть на одном месте. Мне все время надо что-то делать, чем-то заниматься, а снайперу ведь часами надо находиться в неподвижности. Не получится у меня. Да и с математикой я на Вы, а там надо всякие вычисления в уме делать. Ну, не мое это призвание, товарищ подполковник.

И без того маленькие глаза подполковника сузились в узкие щелочки.

– Что ты тут передо мной мастурбируешь, курсант! – грубо сказал подполковник, – ручки в кровушке боишься перепачкать? Пусть, значит, другие грязными делами занимаются, а мы впереди на лихом коне, шашка наголо!

– Ну, вроде того, товарищ подполковник, – не стал юлить я.

– Да один подготовленный снайпер за минуту положит десяток таких придурков, как ты. Ну, да ладно, с тобой все ясно. Насильно мил не будешь, можешь идти. А про спецназ, забудь напрочь, там такие чистоплюи как ты, даром не нужны, – в сердцах крикнул мне подполковник, когда я подходил к двери.

Разговор с подполковником оставил у меня тяжелый и неприятный осадок. Впрочем, все скоро забылось. Предэкзаменационная суета, примерка и пошив офицерского обмундирования, и, наконец, сами экзамены вскоре остались позади. Мы, с Казбеком сдали экзамены без троек, а Толян одну троечку все-таки подхватил. Ну, да разве в этом дело! Вскоре состоялся торжественный выпуск и выпускной бал. Мы с большим удовольствием разглядывали друг друга в непривычной еще офицерской форме. Несмотря на то, что мы все трое подавали рапорта с просьбой зачислить нас в спецназ или на худой конец, на южную границу, назначения у всех вышли разные. Казбек, единственный из всего курса, все-таки попал в спецназ, Толик попал в группу войск в Таджикистане, на Афганскую, а мне крупно не повезло – меня распределили в Карелию. По всей видимости, поставил все-таки сердитый подполковник в моем личном деле пресловутую черную точку. Расстроился я, конечно, сильно. Но приказ – есть приказ, его надо выполнять.

Получив на руки направления, проездные документы и отпускные мы втроем распили, на удачу, бутылку шампанского в ближайшей забегаловке и, обнявшись, распрощались с клятвами не терять друг друга из виду. Каждому из нас предстоял месячный отпуск, по окончании которого, нас ожидала матушка Служба.

Мой первый офицерский отпуск прошел буднично и скучновато. Мама долго гладила погоны на моих плечах.

– Эх, сынок, видел бы сейчас тебя отец, – тяжело вздохнула она.

Мы с ней навестили могилу отца, а потом устроили праздничный ужин вдвоем.

Я проводил время, помогая маме по хозяйству, читая книги и размышляя о предстоящей службе. К месту службы я отбыл на два дня раньше положенного срока, пообещав маме регулярно писать.

Глава четвертая

К месту назначения я добрался без приключений. Небольшой карельский городок на берегу Ладоги, славившийся раньше производством лыж неплохого качества, встретил меня почти патриархальной тишиной. Загрузив два огромных фибровых чемодана с одеждой в багажник потрепанных жигулей, с надписью «Такси», я попросил водителя отвезти меня к штабу погранотряда. Доехали мы быстро. Выгрузив чемоданы и расплатившись с водителем, я протянул документы дежурившему на КПП солдату.

– Вам, товарищ лейтенант, в штаб надо, к оперативному дежурному, – мельком взглянув на документы, сказал солдат, – вон видите, двухэтажное здание? Там штаб. А вещички свои можете пока здесь оставить, чтобы не таскаться. И он любезно помог мне занести чемоданы в помещение КПП.

Осмотрев мои документы, майор, оперативный дежурный по отряду, почесал в затылке.

– Так, начальник отряда сейчас на границе, зам. по воспитательной работе – в отпуске, а вот начштаба, на месте. – Он поднял трубку телефона.

– Товарищ подполковник, тут к нам новое пополнение прибыло, лейтенант Зимин. Хорошо, сейчас он идет. Давай, лейтенант, дуй на второй этаж, в кабинет начштаба, он тебя ждет.

Постучав, я вошел в кабинет начальника штаба и представился по всей форме. Высокий сухощавый подполковник вышел из-за стола и с улыбкой протянул мне руку.

– Поздравляю с началом службы, лейтенант Зимин, присаживайтесь, – сказал он, – личное дело ваше я уже смотрел, оно пока небогатое. Несколько благодарностей за стрельбу и хорошую учебу. Теперь предстоит воплощать полученные знания на практике. Командир принял решение назначить вас заместителем начальника шестой заставы. Начальник заставы майор Сидоренко опытный и умелый командир. У него можно многому научиться. Через пару месяцев осенняя проверка, надо подтягивать личный состав. Сейчас у нас идут всяческие реорганизации, многие заставы консервируются, на службу принимаем контрактников, а они народ заковыристый и с ленцой, так что, работы вам – непочатый край. С учебными программами и остальными документами ознакомьтесь на заставе. Я в ближайшее время собираюсь поработать у вас на заставе. Так что, как говориться, контроль на месте, а помощь в приказе, – усмехнулся подполковник, – желаю удачи, лейтенант! Идите к оперативному дежурному, он подыщет вам транспорт до заставы.

Четко повернувшись, я вышел из кабинета и спустился к оперативному дежурному.

– Ну, что, лейтенант, получил ОБЦУ? (Особо ценные указания). – Осведомился майор, – давай знакомиться, я начальник службы арттехвооружения отряда майор Журавлев. А тебя, значит, на шестерку замом? Ну, Сидоренко крепкий мужик, тебе повезло. Ты там за оружием смотри, приеду, найду грязный ствол, три шкуры спущу. Стрелять-то хоть умеешь?

– Был чемпионом училища по стрельбе из пистолета Макарова, товарищ майор, – ответил я.

– Вона как! – протянул майор, – ладно, приеду к тебе, постреляемся, кто кого.

– Так, тебя же на шестерку отправить надо. – Он снова поднял трубку, – здорово, живодер! – сказал он в трубку, когда та откликнулась, – ты, я слышал, на левый фланг собираешься? Захватишь новенького зама до шестерки? Ну, вот и умница, он тебя у КПП ждать будет. Поедешь с ветерком, лейтенант, на УАЗике, с начальником ветеринарной службы, он через полчаса выезжает. Так, что давай, всех благ.

Распрощавшись с веселым майором, я вернулся к КПП. Через полчаса, я уже пылил на УАЗике по тряскому, с выбоинами асфальту, а затем мы свернули на проселок. От отряда до заставы было около семидесяти километров. Пожилой капитан, начальник ветеринарной

службы отряда, разговорчивостью не отличался и всю дорогу клевал носом. Солдат – водитель, тоже молчал. Часа через два мы въехали в крошечный поселок с абсолютно непроизносимым карельским названием, где и находилась шестая погранзастава. Высадив меня с чемоданами у крыльца заставы, УАЗик с дремлющим капитаном покатил дальше. Выскочивший на крыльцо сержант срочной службы с красной повязкой на рукаве представился мне.

– Дежурный по заставе сержант Ольшанский.

– Лейтенант Зимин, – в свою очередь, представился ему я.

– Пойдемте, товарищ лейтенант, начальник заставы вас ждет в канцелярии, а чемоданы оставьте, их отнесут куда нужно.

Дверь в заставскую канцелярию была открыта. Канцелярия представляла собой квадратную комнату с двумя окнами, площадью примерно метров шестнадцать. Посредине комнаты стояли три составленных вместе письменных стола. В углу слева громоздился железный сейф. На стене висела схема участка заставы и портрет Президента. За главным столом сидел пожилой, плотный майор с живыми карими глазами, слева от него располагался средних лет капитан, справа – прапорщик, лет двадцати пяти.

– Товарищ майор, лейтенант Зимин для дальнейшего прохождения службы во вверенном вам подразделении прибыл! – бодро отрапортовал я.

– Вольно, лейтенант, зачем так кричать, – слегка поморщился майор, – давайте знакомиться. Меня зовут Иван Петрович, а это мой зам по воспитательной работе Сергей Леонидович, указал на капитана майор. Ну и, наконец, наш бравый старшина заставы Николай Борисович. А ты, значит, Андрей Николаевич, как я понимаю. Когда мы не в строю, у нас принято обращаться друг к другу по имени отчеству. Не возражаешь?

– Никак нет товарищ майор! То есть Иван Петрович, – быстро спохватился я.

– Ну, что, товарищи, время – без пятнадцати восемнадцать, через пятнадцать минут боевой расчет. Николай Борисович, иди, готовь личный состав к построению. Да, и после боевого, освободи Андрею Николаевичу стол, у тебя свой в каптерке есть,

– Ох, как я тебя ждал, лейтенант, наконец-то избавлюсь от писанины и занятий по боевой подготовке, – потирая руки, вдохновился моим появлением капитан.

– Ну, с этим, вы потом разберетесь, а сейчас пора в строй, – скомандовал майор.

Мы с капитаном поднялись и вышли из канцелярии. Личный состав заставы уже выстроился во дворе. Прапорщик обходил строй, проверяя внешний вид солдат и сержантов. Мы с ним встали во главе строя. На крыльце заставы показался майор.

– Застава, смирно! – скомандовал капитан, – товарищ майор, личный состав шестой заставы на боевой расчет построен!

– Вольно! – отозвался майор, приложив руку к козырьку.

Коротко, заученными фразами, майор обрисовал оперативную обстановку на участке заставы.

– Застава, смирно! Слушай боевой расчет! – майор называл личные номера пограничников и время выхода на службу.

Окончив читать по журналу боевой расчет, майор подал команду «Вольно», и осведомился, есть ли вопросы. Вопросов не было.

– Лейтенант Зимин, выйти из строя, – скомандовал мне майор.

Четким строевым шагом я вышел на середину строя.

– Товарищи пограничники, представляю вам моего заместителя, лейтенанта Зимина Андрея Николаевича. Прошу, как говорится, любить и жаловать. Встаньте в строй, лейтенант. Застава, разойдись!

– Ну что, товарищи, – сказал майор, когда мы все вчетвером вернулись в канцелярию, – на завтра диспозиция такая: тебе, Николай Борисович, ночью наряды отправлять, а ты, Сергей Леонидович,ознакомишь лейтенанта с прохождением линии границы на левом фланге. Выход

в девять часов, да поосторожней на синем болоте, клади там совсем сгнили, надо бы заменить, только где свободные руки взять? Возьмите с собой бензопилу, может, придется несколько деревьев завалить. Да, Николай Борисович, покажи Андрею Николаевичу его апартаменты, а я пока пограничную книгу заполню. Ну, а через полчаса, все ко мне, жены-то наши еще с обеда суетятся, стол уже, наверное, накрыли. Праздник у нас сегодня, Андрей Николаевич, новый офицер на заставу прибыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.